

ПО ВОСТОЧНОМУ ОТДЕЛУ КАВКАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА

Отчет о работе зоологической экспедиции 1930 года.
проф. С. ТУРОВ.

Летом 1930 года на средства Кавказского Государственного Заповедника, в числе ряда научных экспедиций, была снаряжена и зоологическая—под руководством профессора С. С. Турова. В экспедиции приняли участие: в качестве помощника начальника Ассистент Городского Педагогического Института Д. Б. Красовский, препаратор В. А. Селегеменко, два практиканта студенты того же Института В. Логинов и И. Кирис, и А. А. Насимович. Проводниками экспедиции были И. Кожевников и А. Телеусов.

В задачи экспедиции входило: изучение фауны позвоночных животных Восточного Отдела Заповедника, распространение, биология, опыт учета крупных млекопитающих, сбор коллекций по всем группам позвоночных животных, установление наиболее подходящего пункта для организации биологической станции Заповедника. Также значительное место в работах экспедиции отводилось фотографированию животных.

По намеченному плану, экспедиция в первую очередь сосредоточила свою работу в Восточной части Заповедника, так как этот район, наименее изученный и посещаемый, требует наибольшего внимания, как со стороны охраны, так и выяснения возможностей развернуть здесь научную работу биостанции. Кроме того, на значительную территорию Восточного района Заповедника, по левому берегу реки Б. Лабы были заявлены претензии со стороны Карачаевской автономной Области, в смысле отторжения участка от Заповедника, и важно было установить ценность данного района и в зоологическом отношении.

Экспедиция работала три месяца, с подготовкой в Майкопе и сдачей дел по окончании—с 30-го июня по 20-е сентября 1930 г.

За это время пройден следующий маршрут:

Июнь 1930 года:

- 20-29—Владикавказ—Майкоп.
- 30 — Псебай.

Июль:

- 1-2 — Псебай.
- 3 — Псебай—Черчоречье.
- 3-4 — Окрестности Черчоречья.
- 5-14—(Первый отряд) Черчореченская караулка—Никитинская балка—Бескеская караулка-истоки р. Рошкоа—истоки р. Блысь—Вершины хребта Магишо—отроги хр. Магишо—истоки р. Бескес—гора Маркопидж—Никитинская балка—Черчоречье.
- 11-13—(Второй отряд экспедиции) Черчоречье—Каменная Балка—Малый Бамбак—Черчоречье.
- 15-17—Окрестности Черчоречья.
- 18-19—Черчоречье—Третья ротз—Урочище Умпырь.
- 20-26—(Первый отряд) Умпырь—река Цахвоа—озера у истоков р. Цахвоа Умпырь.
- 21-23—(Второй отряд) Хребет Кочерга—озеро в истоках р. Ачипсты Умпырь.
- 22-25—(Третий отряд) Умпырь—Мастакан—хребет Ахцархва—Малые и Большие Балканы—Умпырь.
- 27 — Переход всех экспедиции на лагерь Новый Мастакан.
- 28-30—Мастакан—хребет Ахцархва.
- 30-31—Вершина горы Ятыргварта—Балканы—Мастакан.

Август:

- 1 — Под'ем на вершину г. Алоус—озеро на Алоусе.
- 2 — Озеро „Сарн“ на Алоусе.
- 3 — Мастакан—Ятыргварта—Черная речка (Отряд).
- 3-8 — Алоусский лагерь—озера г. Алоус—Испорченный гай.
- 9 — Мастакан.
- 10-12—Гора Трю—хребет Скирда—Ятыргварта—Мастакан
- 13-14—Хребет Мастакан.
- 15-16—Урочище Мешок—г. Трю—Ятыргварта—Мастакан
- 18 — Ятыргварта.
- 19 — Алоусский лагерь. г. Алоус.
- 20 — Лагерь Мастакан—Лагерь Уруштен.
- 21-25—(Первый отряд) Лагерь Уруштен—лагерь Холодный—перевал Псеашхо—Эстонский поселок—Красная Поляна—лагерь Холодный.
- 21-23—(Второй отряд) Лагерь Уруштен—лагерь Чилилсы—гора Джуга—лагерь Исаева—лаг. Уруштен.
- 24-27—Лагерь Уруштен—лагерь Холодный—ледники Южн. Псеашхо—лагерь Холодный.

- 28 —Лагерь Холодный--лагерь Уруштен.
29 —Лагерь Уруштен—Мастакан—Березовый Гай—гора Алоус.
30 —Ущелье р. Ачипсты (Первый отряд). Склоны Ахцархвы (Второй отряд).
31 —Лагерь Мастакан.

Сентябрь:

- 1-3 —Ахцархва—Б. Балканы—Ятыргварта.
4 —Лагерь Мастакан—Умпырская лесная караулка.
5-8 —(Первый отряд) Умпырская караулка—Умпырский перевал—Урочище Закан—Б. Лэба—Бескеская караулка—Азбестовые разработки--станция Андрюк—Псебай—Черная речка.
9 —Черкоречье—Умпырь.
5-9 —(Второй отряд) Экскурсии в урочище Умпырь.
10 —Умпырь—Черная речка.
11 —Черноречье—Псебай.
12-20—Псебай—Майкоп—Владикавказ.

Таким образом, из приведенного выше маршрута видно, что экспедиция охватила значительную часть Восточного Отдела Заповедника, пройдя по долине Б. Лабы, также по истокам рек, впадающих в нее (Рошкоа, Блыбь, Бескес), затем по ущелью М. Лабы, до впадения в нее реки Ц-хвоа и вверх до истоков этой реки, затем по Уруштену, Ачипсте, Мастакану и Алоусу. Основной базой в работе экспедиции являлся Новый Мастаканский Лагерь,*) откуда совершались многочисленные экскурсии на Ятыргварту, Трю, Б. и М. Балканы, Алоус, Ахцархву и т. д. Временными базами были урочище Умпырь, лагерь Уруштен, лагерь Холодный. Восточный Отдел был пройден маршрутами с достаточной полнотой, если считать что верховья М. Лабы и перевал Аишхо были посещены мной во время экспедиции 1926 г. Дорога через названный перевал в настоящее время (1930) сильно испортилась и, по сообщению отряда, бывшего там, проходима с трудом.

Собственно экспедиционная работа началась со станции Псебай, Лабинского района, куда мы приехали на лошадях из города Майкопа вечером 30-го июня 1930 года. Дорога от названного города до Псебая, около 95-100 километров, идет все время хлебными полями. Только ночью у самого Псебая, приблизившись к М. Лэбе, мы увидели невысокие известковые горы, покрытые низкорослым дубовым лесом. При под'еме перед станцией Переправной на горизонте показались значительные горы—Малый Бамбак, Ятыргварта, и одиноко стоящий Ачешбок (Чертовы ворота), уже входящие в Заповедник.

В управление Восточного Отдела Заповедника мы приехали поздно вечером. Заведывающий разочаровал нас, сообщив, что снаря-

* Иначе „зимний лагерь Алоус“.

жение для нашей экспедиции далеко непожное, лошадей еще нет и что когда их приведут с горных пастбищ, то придется делать подковы, ковать и т. д. Все эти операции по снаряжению вьючного каравана задержали нас в Псебае до 3-го июля, когда только мы смогли двинуться в пределы Заповедника на Чернореченскую Караулку.

В Псебае нами были совершены несколько экскурсий в окрестностях, а также осмотрены небольшие сборы зоологических материалов, имевшиеся в Восточном Отделе, откуда мы взяли экземпляр малого подковоноса (*Rhinolophus hipposideros* Bechst) и череп куньцы, отобранный от браконьеров в урочище Закво в 1929 г. зимой. Шкурка этой куньцы-желтодушки (*Martes martes lorenzi* Ognev) была настолько съедена молью, что не могла быть использована для научных целей.

Подвода с тяжелым и громоздким грузом была отправлена 2-го июля, но дорогой опрокинулась и задержалась на ночевку в 2-х верстах от Черноречья, куда 3-го утром собрались все участники экспедиции, прибывшие верхом.

От Псебая до Чернореченской караулки, которая стоит у впадения Урушгена (Черная речка) в М. Лабу, дорога идет все время по левому берегу М. Лабы лесистым ущельем, начиная от хутора Бесленевского. Густой лиственный лес, состоящий из дуба, бука, осины и клена, с разбросанными кустарниковыми породами, зарос склоны гор. Местами по дороге нам попадались фруктовые деревья: груши, яблоки и алыча, под которыми иногда были следы кабанов и их порою. Довольно часто по дороге встречается то лесная караулка, то домик эстонца. Ближе к Черноречью путь пролегает высоко над шумящим потоком; мелкие речки, образующие живописные каскады, стекают с гор, впадая в Лабу.

Поражало огромное количество нор полевек (*Arbusticola Pitymys rubellianus intermedius* Schidl.), образующих целые колонии, обитатели которых часто бегали по траве у дороги. Здесь же в больших норах, над самой дорогой, нами были пойманы обыкновенные жабы (*Bufo bufo*), по скалам бегали орные ящерицы (*Lacerta saxicola*), среди листьев и в траве у дороги были пойманы луговые ящерицы (*Lacerta praticola*) и две медянки (*Coronella austriaca* Laur).

Мы остановились в Чернореченской караулке, находящейся на границе Заповедника. Здесь экскурсировали в окрестностях, а затем двумя группами были совершены экскурсии: одна под моим руководством на хребет Машино через Бескес и другая на М. Бамбак.

Район Черноречья представляет собой склоны гор, покрытые густым лиственным лесом, прерываемым полянами. Местами выступают скалистые утесы. Из лиственных пород надо отметить буковые насаждения, густые кустарниковые заросли по берегу Урушгена выше граб, затем пихта с подлеском из ольхи, рябины, смородины (красной) и бузины. При подъеме на Ятыргварту показателем субальпийской зоны надо отметить ольху (Acer trautvetteri), затем береза и сосна, которые распространяются до границ альпийской зоны.

Вне границ Заповедника, в районе хутора Кутана надо отметить

значительные искусственные насаждения фруктовых деревьев, ныне одичавших. Здесь в большом количестве встречаются зайцы (*Lepus eugraeus caucasicus* Ogn.). Везде в лесу преобладающим элементом из класса млекопитающих являются лесные мыши (*Sylvimus sylvaticus ciscaucasicus* Ogn.). Эта форма широко распространена на всем северном склоне хребта по территории Заповедника и только за перевалом, в районе Красной поляны, мы должны пока отметить наличие другой формы типа (*Apodemus flavicollis* Melch).*)

Вблизи воды среди больших камней и у корней деревьев, заросших ипаортником, в значительном количестве распространены крупные, длиннохвостые полевки Роберта, подвид, описанный мною по экземплярам, добытым на р. Мзымте в 1926 году (*Microtus roberti occidentalis* Turon) (С. Туров. Материалы к познанию фауны Кав. Гос. Заповедника, 1928 г. Ростов/Д.). Форма эта, повидимому, является типичной для стадий, связанных с близостью воды и скалами. В здании караулки мы поймали домашних мышей (*Mus musculus*).

В лиственном лесу надо отметить нахождение значительных колоний полевок (*Pitymys rubellianus intermedius* Schidl.), которые в этом году в огромных количествах встречались в поясе широколиственных лесов, наряду с лесными мышами. Зона хвойных лесов была значительно беднее населена теми же грызунами.

Кроме указанных зверьков, нами были добыты еще землеройки (*Sorex araneus satunini* Ogn.) и летучая мышь (*Pipistrellus* sp.), в большом количестве летавшие около караулки и скал над водой, с наступлением сумерек.

Надо отметить, что фауна мелких млекопитающих Заповедника вообще сравнительно небогата числом видов, но зачастую чрезвычайно обильна количеством особей, что надо отметить особенно для грызунов. Из крупных зверей в районе Черноречья надо указать на серна (*Ursus arctos turica caucasicus* Lydekker), которые заходят довольно часто на скалу, окруженную лесом, как раз против караулки, где наблюдателями положена сеть. Отмечаю, что закладка данного солонца нельзя считать целесообразной, так как он привлекает зверя к самой границе Заповедника, что является опасным из-за отсутствия достаточной охраны и близости поселений. Во время наших экскурсий в окрестностях Чернореченской караулки за мостом через Уруштен, незадолго до наступления сумерек, мы натолкнулись на двух вооруженных браконьеров, которые, увидя нас, бросились под кручу и скрылись в кустах.

Орнитологические наблюдения велись, главным образом, Д. Б. Красовским, данные которого приводятся в настоящем отчете. Ему же принадлежит обработка материалов по птицам, собранным зоологической экспедицией.

Из птиц в лесу здесь обычно встречаются сойки (*Garrulus glandarius* Kinitzki Kalenicz) большой пестрый дятел *Dryobates major pincerorum* Brehm), поползни (*Sitta europea caucasica* But.), большая си-

* М. П. Разновым лесные мыши типа *A. flavicollis* были найдены в районе Гузерипальской поляны, урочища Киши, Бабуков аула Уушка.

ница (*Parus major major* L.), стайки длиннохвостых синиц (*Aegialos caudatus major* Radde), изредка пилухи (*Certhia familiaris* But), выводки дубоносов (*Coccothraustes coccothraustes* sbsp?) зяблики (*Fringilla coelebs* sbsp?). По дорогам горная овсянка (*Emberiza cia* sbsp?). По речкам обычна горная трясогузка (*Calobates boarula*) и белая трясогузка (*Motacilla alba*), тут же много черных синиц (*Parus phoenotus*); на опушках попадаются серые мухоловки (*Muscicapa striata*), пеночки и различные славки и целый ряд других птиц. На полях около хутора Кутана были подняты серые куропатки (*Perdix perdix*). По вечерам часто можно наблюдать козодоя (*Caprimulgus europaeus*)

По берегам рек нами были найдены Кавказская большеногая лагушка (*Rana macrospemis* Blgr.), тут же мы слышали крик квакш (*Hyla arborea*).

7-го июля мы с Д. Красовским и проводником В. Кожевниковым выехали верхами на Бескесскую караулку с целью пройти по восточному обходу Заповедника истоками реки Блыби, Рошкоа до хребта Магишо. Вышли мы только в 2 часа дня, так как лошади наши ночью ушли от Черноречья на альпийские луга Ятыргварты и пришлось потратить много времени на их розыски.

Пройдя по дороге на Псебай, мы свернули на мост через Малую Лабу и, проехав немного по большой поляне вверх по течению реки, свернули на восток и стали подниматься по довольно крутому подъему на склон Никитинской балки, покрытый густым лесом, где особенно обращают на себя внимание ели — гиганты в несколько обхватов. На каждом шагу здесь попадаются следы деятельности человека — надрубленные пихты и ели — пробы леса на дранку и ладан. Нам попадались свежие следы медведя, оленя, козули, волков, здесь же нами был встречен след куницы. По дороге на полянах наблюдался большой подорлик (*Aquila maculata*), по опушкам много сарычей (*Buteo menetriesi*) и др.

После того, как мы вышли на хребет, отделяющий реку Хацзвитую и р. Бескес от истоков реки Андрюка, в южном направлении мы увидели невысокую, покрытую на северном склоне зелеными лугами гору Маркопидж (Турова башня), далее Дженту и, на конец, белый от снега хребет Магишо. Но впечатление от всех этих гор в значительной мере терялось, так как вдали, на горизонте, слегка прикрытый облаками, вздымался гигантским конусом Эльбрус, эффектно освещенный лучами заходящего солнца.

Мы заночевали в Имеретинском балагане. Тщательная картина летнего коша имеретинских скотоводов сыроверов: плетенные из хвороста стены балагана дают простор ветрам всех направлений. Дым костра разложенного в балагане преследует нас. Неприятный запах киснувшего молока смешивается с запахом коровьего навоза, кругом скот и вокруг балагана невылазная грязь. Надо добавить еще огромное количество лесных мышей, которые бегали по 5-6 штук одновременно внутри балагана. Из разговоров с ночевавшими здесь людьми нам удалось установить, что в долине реки Хацзвитой ведутся разведки на серебро. На территории охранной зоны Заповедника

находятся 35-40 человек, часть из которых вооружена винтовками. Вероятнее всего, охрана Заповедника туда не заглядывает, так как этот район со стороны М. Лабы трудно доступен, а Бескесская караулка имеет тяготение к районам Б. Лабы.

Долина Бескеса представлялась нам с хребта обширным пространством, покрытым сплошным лесом. По-видимому, здесь значительное количество кабанов, так как большие заросли бурьяна, на границе леса и субальпийских лугов, были сильно поломаны и потоптаны кабанями. На нашем пути нам неоднократно попадались следы старых и молодых свиней. Путь наш, после имеретинского балагана, пролегал по субальпийским пастбищам, сильно стравленным скотом, и только местами уцелела густая высокая трава с множеством цветов. В этот район пригоняют свой скот андюковцы, также имеретинцы с берега моря. Здесь чувствуется оживление: проходят вычуженные лошади с запасом провианта для кочевников, для рабочих серебряных разведок и т. д. По дороге бросалось в глаза множество полевок (*Pitymys tibelianus*), которые шмыгали между копытами лошадей. Тут же мы наблюдали одновременно несколько стервятников (*Neophron percnopterus*), изредка пролетали белоголовые сипы (*Gyps fulvus*), выводки воронов (*Corvus corax*) и какие то луны.

Мы опустились к тому пункту, где Бескес впадает в Б. Лабу. Издалека уже видна была широкая долина Б. Лабы, где она вырывается из горного Тамского ущелья. Из березового леса мы перешли в густой и крупный буковый, появились дубы, наконец тополя и часам к десяти утра 8-го июля мы подошли к Бескесской караулке. Через мост на р. Бескес, мимо столба с большой надписью, возвещающей чего нельзя делать на территории Заповедника и что делается всеми начиная от местного населения и кончая различными организациями, *) мы вступили опять на территорию Заповедника, которую покинули при выезде из Черноречья.

Бескесская караулка, расположенная при впадении реки Бескес в Б. Лабу, представляет большой заново выстроенный дом, принадлежащий Заповеднику. К сожалению, комнаты для приезжающих, предназначенные, главным образом, для работников Заповедника и научных экспедиций, были заняты посторонними людьми, служащими Орглеса.

Наблюдателей не было. Они вернулись из глубокого обхода только на другой день. По их словам Восточный район Заповедника богат зверем. В верховьях Блыби держатся туры, много медведей и они видели штук 12 серн. Зимой звери с Луана спускаются на границу лесов по Закану, а также на Блыбь и Рошкоа, притоки Б. Лабы. На Красивой горе по Бескесу зимуют свиньи и олени. Олени по реке Бескесу зимой доходят до самой караулки. Вопрос миграция зверей является одним из основных вопросов охраны Запо-

*) В Восточном отделе Заповедника процветают браконьерство, лесные пожары, вызванные разведочными отрядами, незаконно находящимися на территории Заповедника, захват территории под разработки, добыча ладана, рыбная ловля и т. д.

зедника, так что районы зимовок ни в коем случае не должны исключаться из территории Заповедника. Нам удалось установить, что в восточном районе, перечисленные выше места, являются излюбленными местами зимовок ряда ценных копытных. Поэтому в защите неизменности границ Заповедника, установленных декретом Совнаркома, решающую роль должен играть именно этот мотив.

Претензии Карачаевской Автономной Области, требовавшей отторжения территории Заповедника до хребта Магишо, в случае их удовлетворения, сами собой уничтожают смысл охраны и заповедывания в районах Луган, Закана и Магишо. Охраняемые летом звери (туры, серны, олени) зимой будут уничтожаться на местах зимовок, так как в случае отторжения последних от Заповедника, они не будут охраняться. Проведение границ по хребту Магишо фактически уничтожило бы возможность охраны всего района до М. Лабы ввиду того, что переход браконьеров через хребет легко осуществим, охрана же перевалов затруднительна. По нашему мнению, для наиболее полного осуществления охраны Восточного Отдела, необходимо построить караулки в районе Карапыря, с целью охраны подходов как к Умпырскому перевалу, так и к рекам, впадающим в Б. Лабу известных также обилием куниц.

В настоящее время заложен искусственный солонец по Закану ниже Имеретинской балки, сравнительно недалеко от границ Заповедника, его необходимо уничтожить, так как он привлекает зверя к границам в районы более доступные для браконьеров. По Закану, не доезжая километров 3-х до места, есть небольшой естественный солонец, который также, из-за близкого расположения к границам, надо уничтожить, восстановив за счет этих двух уничтоженных солонцов бывший ранее солонец на Умпырском перевале, который, судя по выгрызенной земле и по словам проводников, особенно охотно посещался турами, оленями и сернами. Кроме того, имеются два солонца у вершины Закана, которые по словам наблюдателей Бескесской караулки, особенно охотно посещаются турами и оленями.

Около Бескесской караулки мы также наблюдали большое количество нор полевок (*Pitymgs tubellianus*), которые наряду с лесными мышами (*Sylvimus sylvaticus*) все время бегали среди травы, даже днем. По словам наблюдателей, под мостом через Бескес живет норка (*Lutreola lutreola*), а по Б. Лабе около моста часто видят выдру (*Lutra lutra*), на отмелях в этом районе почти всегда можно видеть следы норок и выдр. Зимой 1929 г. на расстоянии примерно полкилометра от караулки жила старая рысь.

Утром 9-го июля мы выступили по направлению к истокам реки Рошкава. От Бескесской караулки наш путь сразу начал подниматься вверх. Мы прошли значительные березовые насаждения, которые затем сменились буковым лесом. Здесь мы отметили большое количество следов кабанов, их покопов и лежек, тут же на дороге мы нашли убитую сову неясыть (*Strix aluco* L.). Кабаны сейчас спускаются ниже к Лабе и держатся там в бурьянах.

По дороге нам попался крестьянин с двумя собаками. Он шел к своим лошадям, которые пасутся в охранной зоне. Как мы потом убедились, они паслись не только в охранной зоне, но и на территории абсолютного заповедника. У границы альпийских лугов на площадке среди зарослей березы и рододендрона мы заметили палатку и костер. Топограф вел здесь работу по проведению границ Карачаевской автономной области. От его сотрудников мы узнали что они видели 8 штук самок оленей на горе Маркопидж, туров и серн в истоках Рошкоа.

Долгое время шли по вытравленным лугам. В охранной зоне мы видели также стада овец и коров, принадлежащие имеретинам. Большой табун лошадей пасся в абсолютной зоне, в нескольких сотнях метров от столба с грозной надписью: „воспрещается пастьба скота“ и т. д. Слева от нас открывается вид на сплошные леса по р. Рошкоа, они отдельными соснами дорбегали до заброшенных троп, по которым мы шли, и уступали свое место альпийским лугам. Нам пришлось довольно долго обходить многочисленные истоки реки Рошкоа, справа от нас на запад были видны ущелья. Безымянной и отдельной притоки реки Бескеса. По альпийским лугам здесь мы только изредка наблюдали горных коньков (*Anthus shinzletta*) и по словам наблюдателей, на границе леса держатся выводки тетеревов (*Lyrurus tlukosiewiczzi* Tacz.). На одном из главных истоков реки Рошкоа мы решили стать на ночлег в березовом леске, где начинают свой бег несколько ручьев. Когда мы подошли к намеченному месту из березовой поросли выбежала серна, поднялась несколько выше и остановилась, глядя на нас. Это был первый зверь, которого мы увидели в эту экспедицию. В бурьяне около речки мы видели болотную камышевку (*Acrocephalus palustris*).

На другой день утренняя экскурсия показала нам, что здесь много следов серн, которые, по видимому, были отогнаны работавшей здесь топографической группой. Несколько ниже видели след медведя. В ловушке нам поймались несколько лесных мышей. Норы полевок в незначительном количестве были разбросаны по лугам. Не было того обилия грызунов, которое бросалось в глаза внизу. Высота нашего лагеря была около 2000 метров.

К вечеру мы дошли до истоков р. Блыбь. Дорогой нам пришлось перейти ряд каменистых и безлесных истоков этой реки. В одном из ущелий горы Дженту мы наблюдали около 80 штук серн, которые отдельными табунами паслись по лугам. Среди них были самки с козлятами, достигшие величины половины взрослого животного. За некоторыми самками бежали по два козленка. Испуганные нами, они разбежались в разные стороны табунами, один из которых пошел ниже и скрылся в березовом лесу, а другой, перейдя ущелье, вышел на противоположный каменистый склон. Когда мы отошли от этого места, то могли наблюдать, как серны постепенно опять собирались на свое первоначальное пастбище. Разбившись, они перекликались между собой, блея как козы, особенно волновались самки призывавшие козлят.

Здесь же видели сапсана (*Falco peregrinus*) и черного грифа (*Aegypius monachus*).

Поднявшись на значительную высоту, где лежали отдельные пятна снега, мы перевалили из бассейна р. Рошкоа к реке Блыбь и пошли по южному склону горы Дженту. Сверху открывался вид на весь хребет Магишо, покрытый еще в значительной мере снегом. Река Блыбь берет свое начало, также как и р. Рошкоа, из родников, выбегавших частью со склонов г. Дженту, но главная масса воды идет с северо-восточных склонов хребта Магишо. Между хребтом Магишо и г. Дженту, в верховьях реки Блыби на лугах, до объявления Заповедника, в летние месяцы были имеретинские коши, следы от которых, в виде круглых, сделанных из камней загонов для овец, сохранялись и до сих пор. Все поляны заросли густым бурьяном, среди которого отчетливо, даже сверху, видны тропы, промятые медведями и кабанами. Небольшие болотца, образующиеся в котловинах от стока воды, с илистым дном и слегка поросшие по краям камышом, дают возможность кабанам жировать здесь. Изредка попадаются следы оленей, главным образом ланок. По бурьяну в незначительном количестве попадает луговая чеканчик (*Pratincola tibetra*) и вылетела какая-то камышовка. Здесь же поймали большую кавказскую лягушку (*Rana macroscemis*), в значительном количестве попадавшуюся всюду. Когда спускались с г. Дженту, слышали крик перепела (*Coturnix coturnix*). У подножья г. Дженту, еще на восточном ее склоне, нам впервые начали попадаться выбросы земли, характерные для прометеевой мыши (*Promethomys scharosch-pikovi*). Эти выбросы в значительном количестве отмечались нами и в истоках Блыби по бурьянам и на альпийском лугу. Здесь их не было видно из-за высокой растительности и приходилось их разыскивать, раздвигая траву или случайно попадая ногой в рыхлую землю. Также много выбросов прометеевой мыши попадаются нам и в истоках Бескеса.

Тропа, которой мы шли по лугам, обходя истоки Блыби, не имела совсем следов человека, зато та, которая идет из ущелья Блыби к истокам Бескеса, показала нам, что здесь проходит много людей и даже был виден свежий след лошади.

Проехав по березняку, спугнув здесь самца-тетерева, мы спустились немного ниже верхней границы леса, где и стали лагерем. По березнякам, вокруг места нашей стоянки, было много медвежьих следов. Отсюда нами были совершены две экскурсии на хребет Магишо. 11-го июля утром была совершена первая экскурсия. Спустившись к Блыби и перейдя через нее на правую сторону, мы начали подниматься по зарослям рододендрона среди невысокого березового леса в одном из ущелий хребта Магишо. По дороге спугнули выводок тетеревов, в березняке попадались какие-то мелкие пеночки. Поднявшись выше леса и подойдя по небольшой осыпи, мы выяли на холм откуда увидели небольшое озеро впереди нас и осыпи, спускающиеся уже с вершины Магишо. Солнце поднялось достаточно высоко когда мы, наконец, поднялись к первому озеру, которое представляет

собой небольшую впадину. Ручейки воды сбегает сюда от тающего снега. На берегу много следов серн и мы нашли здесь также несколько следов туров. По камням попадаются горихвостки чернушки (*Phoenicurus ochruvus*) и всюду, как и ниже, в большом количестве держатся горные хоньки. Выше нас слышится свист горных индеек (*Tetraogallus caucasicus* Pall.). У озера на одной из скал, заметили 10 штук серн, которые, увидя нас, издав злой предостерегающий свист, ушли наверх. Немного выше этого места в одной из впадин было еще одно стадо. По скалам стояли старые самцы, а в самой впадине паслись самки и козлята, которые жонялись друг за другом, прыгали по осыпи, блеяли совершенно также как домашние. Всего мы насчитали 76 серн с молодыми, но за поворотом были еще, в количестве нескольких десятков штук, которых мы увидели только позже, когда все стадо, испугавшись нас, начало убегать. Отсюда мы поднялись по осыпи на главную вершину Магишо и перевалили через гребень ее в соседнее боковое ущелье. Здесь сейчас же попали в снег по которому пришлось спускаться. Наверху всюду много индеек. По словам проводника Кожевникова, в прошлом (1929) году здесь, в это самое время было много туров, которые, вероятно сейчас перешли на противоположный юго-западный склон Магишо. На скалах летало несколько пар альпийских галок (*Pyrhocorax alpinus*), а немного ниже пролетала пара клушиц (*P. pyrrhocorax*). На снегу нашли свежий след медведя, тура и небольшого стада серн штук 25. Самец, увидевши нас шагах в 100-120, издал свист и все стадо убежало по снегу вдоль гребня. Под одним из больших камней, среди зарослей рододендрона, который здесь в это время буйно цветет, нашли берлогу медведя. В яме под этим камнем много сухой травы и веток рододендрона. Рядом с берлогой лежали часть ребра и лопатка, очевидно принадлежавшие серне. Поздно вечером, когда уже стемнело мы спустились к лагерю. На Блиби видели оляпку (*Cinclus aquaticus*) и крапивника (*Troglodytes troglodytes*).

На нижних осыпях под камнями наши склады травы, принадлежащие, вероятней всего, снежной полевке (*Chionomys nivalis nenjukovi* Form.) открытой нами позже на горе Алоус и добытой также на М. Бамбаке и в других местах Заповедника. Уже подходя к лагерю, видели среди скал каменного пестрого дрозда (*Monticola saxatilis*).

В первом часу дня 12 го июля мы выехали во вторую экскурсию к верховьям р. Бескеса, в отроги Магишо. Наша дорога все время шла склонами хребта, покрытыми небольшой, сравнительно с нижней зоной, травой, среди которой много выбросов земли прометеевой мыши. В начале нашего пути у последних берез верхней границы леса, мы подняли выводок тетеревов. Молодые уже достигли трети величины взрослой самки. Выше этого места проводник Кожевников, когда утром отыскивал лошадей, также выгнал из травы большой выводок и даже поймал одного заставшегося птенца, которого мы потом выпустили. Наверху под скалами, на снегу сидела значительная (штук 30) стая альпийских галок со звонким криком поднявшихся в воздух при нашем приближении. На скалах мы заметили только

одну серну, которая, издавлека завидев нас, убежала. Мы обошли еще два ущелья, но серн там не нашли. Шагах в сорока ниже нас по осыпи, с негромким коканьем, широко распутив хвост и волоча крылья, бегала горная индейка, призывая молодых, которые уже достигли величины серых куропадок.

По словам проводника Кожевникова на осыпях хребта Магишо в значительных количествах держится красная гадюка, очевидно *Coluber kaspakovi* Подтверждение этого мы находим и у Россикова, который в своей работе „В горах Северо-Западного Кавказа“ Изв. Русск. Географич. О-ва 1890 г. пишет: „... так, в складках хребта Магишо, близ перевала Луган, охотясь за тетеревом, я случайно набрел на древнюю морену и от ужаса оцепенел. На плоских камнях восточного склона морены лежало до сотни красивых, ярко окрашенных галюк“.

Альпийская зона хребта Магишо, достигающая высоты 2789 метров, характеризуется Н. Кузнецовым (1889) отсутствием *Veratrum* и *Anemone narcissiflora* L. Первая появляется в субальпийской зоне с высоты 2638 метр-в, а с высоты 2547 метров попадают и анемоны. С последней высоты, собственно, и начинается нижняя альпийская зона, характеризующаяся более высокими травами. Кроме того, здесь характерные субальпийские растения *Polygonum bistorta* и *Aconitum*.

Посещенный нами район Рошка и Блыби интересен обилием серн, которые в Западной части Зап-ведника уступают значительно в численности тура́м. В Восточном Отделе мы видим обратную картину. Несомненно, туры на Магишо уцелели, об этом свидетельствуют немногочисленные следы, найденные нами, но их здесь, в данный момент, на этом склоне было мало. У нашего лагеря на Блыби у воды была поймана полевка Роберта и на песке мы нашли следы куторы (*Neomys fodiens*).

На северо-восток от истоков Бескеса поднимается голая гора Дженту, соединенная с Магишо узким перешейком, по которому переходят туры и серны, спускаясь к зиме на Дженту и затем далее к истокам Рошка. Переходя этот перешеек, мы увидели в отрогах Магишо стадо серн 42 штуки, которые, как только завидели нас, ушли наверх. Спустившись несколько ниже к верховьям Бескеса, мы и здесь увидели большое количество выбросов земли из нор прометсевой мыши, у речки из травы вылетел белозобый дрозд (*Megala torquata*). Отсюда мы пошли по лугам тропой от истоков Бескеса к горе Маркопидж. Западнее нашей тропы река Маркопидж течет по очень красивой широкой долине, поросшей березой и елью. Там имеется соловей, по словам проводника, охотно посещаемый оленями. Мы долге шли, имея с востока, на правой стороне р. Бескеса, гору Дженту, по словам Кожевникова эта гора раньше населялась громадными стадами туров, которые переходили отсюда на г. Маркопидж (Туровая башня) по хорошим переходам, связывающим эти горы. В настоящее время туров на г. Маркопидж не бывает, повидимому, даже зимой.

Надо отметить, что серны в истоках Бескеса очень осторожны и, издали увидев лошадей нашего каравана, начинали свистеть и уходить. Повидимому, они напуганы браконьерами. На тропе нам часто попадались кострища, вапирские окурки и лошадиные следы. Тропа носила характер битой, часто посещаемой. В конце концов на нас наткнулись два ладонщика с заплечными мешками, на полненных еловой смолой, добытой ими в ельниках по р. Маркопидж. Повидимому, охрана Бескесской караулки не проходит по этой тропе, совершая свои обычные обходы только по большой Лабе до Умпырского перевала, изредка заходя на Умпырь, о чем, конечно, знают все браконьеры.

13-го июля мы заочевали на южном склоне г. Маркопидж среди смешанного леса с преобладанием сосны. По деревьям перелетали стайки клестов (*Loxia curvirostra caucasica* But.), свириги (*Pyrrhula pyrrhula rossikovi* Suschk.), вечером над табором несколько раз пролетала неясыть. Ночью из темноты раздался крик ланки, испугавшейся костра. С места ночлега мы поехали через вершину Маркопиджа и через некоторое время вышли на низкий „Вал“, являющийся водоразделом между р. Бескесом и р. Хацавитигой. Эта низкая и ровная горная перемычка, соединяющая г. Маркопидж с последним хребтом, ограничивающим Хацавитиугу и Бескес от бассейна Андрияка. Этот „Вал“ покрыт буковым и пихтовым лесом. Несмотря на то, что здесь охранная зона, мы всюду встречали много балаганов, свежих порубок леса и т. д. Повидимому, этот район совершенно лишен охраны и доступен всем браконьерам, ладонщикам и т. д. Звериных следов нам здесь не повидалось.

Выйдя из пределов Заповедника, мы заехали на кош Андрияковского колхоза, здесь готовят сыр по имеретинскому способу. После нашей почевки в грязном коше единоличника в начале этой экскурсии, здесь приятно поражает и обращает на себя внимание чистота помещения сыроварни, отдаленной от жилых балаганов, наличие газет, распорядок работы и радушный прием, оказанный нам.

Отсюда мы вышли вновь на субальпийские луга и, пройдя над Никитинской балкой старой дорогой, спустились к М. Лабе.

Подводя итоги нашей экскурсии в Восточный район Заповедника, мы должны отметить, что он представляет большой интерес, так как населен редкими по всему Заповеднику сернами; ряд пунктов имеет значение как место зимовок копытных животных; эндемичный кавказский грызун прометеева мышь распространена здесь в альпийских и субальпийских зонах. Леса по рекам Рошкоа и Блыбь богаты куницами. Так же здесь значительное количество кавказского тетерева и горных индеек. Принимая во внимание перечисленные факты, необходима организация правильной интенсивной охраны, так как Восточный район подвергается систематическому и безнаказанному браконьерству. Кроме того, этот район ни в коем случае не может быть отторгнут от Заповедника, так как проведение границ по хребту Магнше будет фактически уничтожать места зимо-

вок зверя и поставит под угрозу весь район от этого хребта до М. Лабы.

За время нашего похода на Магишо второй отряд экспедиции выходил с Чернореченской караулки на г. М. Бамбак. Остановившись табором возле вершины горы, так называемой „Шапки“ участники экскурсии проводили обследование в зоне субальпийских лугов. Здесь были отмечены выбросы из норок какого-то зверька, весьма схожие с выбросами слепушенки (*Ellobius*), добыть самого зверька не удалось. В скалах и под упавшими деревьями были добыты полевки Роберта и несколько полевок типа снежных (*Chionomys*), несколько крупнее по величине, чем *Microtus roberti occidentalis Turon*, серо-стального цвета. Настоящая форма представляет большой интерес, как в биологическом, так и в систематическом отношении, но об этом будет сказано ниже. Эта полевка вероятнее всего должна быть отнесена к недавно описанной *Chionomys nivalis penjukovi Formosov*. На опушке леса здесь видели козулю, (*Capreolus pygargus pygargus caucasica Dinnik*) и здесь же в скалах нашли норы барсуков (*Meles meles causicus Ogn.*) и их покопы на лугах. На лугах между цветущими азалиями видели несколько кавказских тетеревов. По склону Бугунжи видели следы кабанов и их покопы, а на под'еме на М. Бамбак след рыси (*Lynx lynx*). С наступлением сумерек над палаткой летали летучие мыши, но добыть их не удалось. Из птиц отмечены неясыть, козодой, малый подорлик (*Aquila pomarina*), большой пестрый дятел, чеглок и мохноногий кавказский сыч (*Aegolius tengmalini causicus (But.)*).

18 июля экспедиция вышла с Черноречья на Умпырь по тропе на левом берегу М. Лабы. Живописный путь наш пролегал смешанным пихтово-буковым лесом, местами с примесью ольхи и других пород Цведа бузина. На больших полянах пышно развились высокие травы, особенно бросались в глаза зонтичные (*Heraclium pubescens*), достигавшие высоты всадника. Местами встречались большие заросли белокопытника. Тропа была очень разрушена, еле державшиеся мостики грозили гибелью лошадям. В самом начале дороги, не доходя моста через Уруштен, одна из наших лошадей сорвалась с узкой тропы и, перевернувшись через голову, упала на камни около реки. Пройдя некоторое расстояние от „Третьей Роты“, где ночевали, мы наткнулись на двух браконьеров, спокойно ловивших удочками рыбу. Везде можно было подметить, следы ладонщиков. Все это подтверждало составившееся у нас мнение о чрезвычайно слабо проводимой охране в Восточном Отделе. На пути от „Третьей Роты“ мы видели коршуна (*Milvus korschun*), а вечером филина (*Bubo bubo*).

С под'ема на Б. Балканы открывается замечательный вид на белую гущую в бездне М. Лабу, на скалы и противоположный берег, покрытый еловым лесом, у самой воды на тропе видны были следы серн, которые, по словам Кожевникова, выходят сюда „солонцевать“ Кругом густой лес. При под'еме на М. Балканы по тропе все время был виден след медведя. С отрогов М. Балкан мы спус-

тились в урочище Умпырь. Оно представляет собой широкую долину, где в М. Лабу впадает, с одной стороны Ачипста, а с другой река Умпырка, выше река Цахвоа. Урочище заросло сосновым и отчасти березовым лесом. По Умпырке мы находили значительное число культурных фруктовых деревьев, что объясняется наличием здесь лесной карлулки, вокруг которой разводили раньше сады (наш проводник А. Телеусов). По склонам гор в устье Умпырки, по Ачипсте и т. д. мы видим густые пихтовые леса, по Мастаканской тропе в ее начале большое развитие дуба, отдельные деревья которого достигают значительной толщины. Поражало громадное количество медвежьих следов. На песке у реки видели следы двух оленей. На тропе встретили перья дятла, съеденного или котом или куницей. У воды на камнях много оляпок и трясогузок. На соснах у палаток перелетали чижик (*Chrisomitris spinus*).

Здесь же на поляне была поймана медянка (*Cornella austriaca*) и веретенница (*Anguis fragilis*), около сосен в земле мы открыли много ходов какого-то животного, похожие на ходы слепушонки, но добыть зверька не удалось. Здесь ловились, главным образом, лесные мыши и в очень значительном количестве кустарные полевки (*Pitymys tubelianus*).

Экспедиция, разбившись на три отряда, вышла в следующих направлениях: первый отряд на реку Цахвоа в ее истоки, второй на гору Кочергу и истоки Ачипсты и третий — на хребет Ахиархву и Балканы. Кроме того, я сделал несколько экскурсий по р. Ачипсте

22-го июля я вышел с Умпыря. Дорога от Умпыря до Мастака на мне кажется одной из самых красивых в Восточном Отделе, она дает представление о глухом пихтовом лесе. Тропа местами идет по карнизам, извиваясь на склонах балок, впадающих в Ачипсту. Большие поляны, заросшие высокой травянистой растительностью, попадаются чаще по мере подъема вверх. На сравнительно небольшом расстоянии от Умпыря, прямо на тропе, имеется естественный солонец, хорошо посещаемый оленями. Вкруг солонца пышно разросся белокопытник. С горы к солонцу идет хорошо набитая звериная тропа. Немного выше еще два таких же солонца. кое-где нам попадаются следы кабанов. Медведи ходили повсюду, особенно видны были их следы то высоким и густым бурьянам на полянах. Они сейчас должны много походить, прежде чем удастся утолить голод. Пищу их в это время составляют различные травы, муравьиные яйца и муравьи. Об этом свидетельствует помет их зеленого цвета и везде развороченные муравьиные кучи, поднятые камни и т. д. Целые кучи гнилушек от разбитых медведями старых деревьев и пней, где они разыскивают личинок насекомых, желтеют среди леса.

Позже 26-го июля я экскурсировал вверх по Ачипсте и затем, поднявшись от реки, вышел на Мастаканскую тропу. По пути мы нашли три купалки ззерей, из которых одна была наиболее типична. Она находилась на небольшой площадке, около большого иня срубленной пихты. По краям купалка густо обросла папортником,

к ней вела хорошо утоптанная тропа. Вокруг были видны старые следы оленей.

Продолжая наш путь, мы вышли на новый Мастаканский лагерь и после попытки подняться на Ахцархву, укрываясь от дождя, вернулись заночевать в новом домике, недавно построенном Заповедником. К сожалению, великолепно поставленный дом с открывающимся видом на г. Аюус и ледник Ачипсты, был без железной печи и с нестекленными окнами. Ночами, в особенности дальше к осени, в нем было холодно.

На досках мы нашли записи наблюдателей, из которых видно было, что ими посещаются эти места исключительно редко. Так наблюдатели Дюкарев и Шелегов посетили домик 31-го мая 1929 года, а Скларов и Рудешко 7-го мая 1931 года. Таким образом, вероятно только один раз за год заглянула сюда охрана.

На полянах много следов оленей. Начиная от Мастаканского домика до альпийских лугов Ахцархвы, везде по полянам выбросы прометеевой мыши. В пихтовом лесу около домика добыл лесную сою (Dromus pitedula)

Вечером этого дня опустился густой туман, который был всю ночь. Когда утром туман поднялся над вершинами гор мы двинулись на хребет Ахцархву, лошадей оставили на альпийском лугу. Как только мы двинулись пешком вверх, то вскоре заметили на скалах стоящих как изваяния туров. Мы насчитали четырех самцов и двух самок.

Ахцархва и Балканы (Еольшие и Малые) связаны с Ятыргвартой Зелеными, покрытыми лугами, вершинами мы подходили к Ахцархве. Здесь, как и внизу, бросаются в глаза выбросы прометеевой мыши, чернеющие во множестве среди небольшой травы.

Одиноко торчащие или группирующиеся скалы, к М. Лабе переходят в обрывистые, малодоступные хребты, среди которых долго стояли неподвижно туры, начавшие уходить при нашем приближении. Подъем был не труден, но довольно крут. На противоположной стороне заметили еще одного тура. Громадный козел с прекрасными рогами, не замечая нас, пасся на вершине хребта на альпийском лугу; когда он поднимал голову, то на фоне неба хорошо можно было рассмотреть саблеобразные рога и длинную бороду. На нашем пути было очень много турьих следов, помет. Вся трава была стравлена так, как будто бы здесь гоняли стада овец. Наконец, тур, заметив нас, остановился, или вернее уставился на нас, поднял голову и замер в неподвижной позе. После того, как мы начали двигаться, он свистнул и повернулся, затем свистнул еще раз и исчез за бугром. Появились еще три тура. Из-за горы время от времени как-то выскакивали головы туров и проводник уверял меня, что эти туры, играя, бодаются. Вскоре по гребню горы один за другим прошли 14 штук самцов, а по эту сторону хребта прошли еще 7 штук.

Мы сделали попытку найти тех, которых заметили в первый раз. Идя в сторону скал, мы вспугнули самку тетерева, которая была о

выводком начинающих летать птенцов Туры здесь спускаются низко, так что их стация сходится со стацией тетерева. Далеко ниже скал нашли еще 7 самок туров. Пройдя к Малым Балканам, мы заметили 4-х самцов. Туман очень быстро скрыл их от наших взоров. Внизу на склоне, в сторону реки Мастык я увидел на осыпи одну серну. Она лежала, затем встала, зашла за скалу и, выставив только голову, наблюдала за нами. Серн здесь и в дальнейшем оказалась очень мало.

Мы пошли вдоль Балкан по туривой тропе, местами то над отвесными скалами, то по осыпям. Тут увидели еще трех самок и козленка. Одна из самок ложилась на траву и с'езжала вниз головой по очень крутому склону, повидимому, этим она старалась избавиться от мошек и комаров. Через балку на осыпи, близ пещеры, мы снова заметили, испуганное нами в начале экскурсии стадо в 14 самцов. Туры медленно подвигались все выше и выше. На своем пути они паслись, ложились, заходили в пещеры. Все время они располагались так, что несколько из них стояли высоко на скалах и могли заметить опасность. Эти туры или стояли или недалеко ложились. Остальные ложились под камнями в тени и мирно паслись. Постепенно, один за другим, они все вышли на скалу и, освещенные солнцем, представляли красивое зрелище. Туман снова закрыл их от нас.

На другой день удалось совсем близко подойти к стаду туров, повидимому, тем самцам, которых видели накануне (14 шт). На склоне Ятыргварты мы заметили стадо в 12 штук, среди которых было несколько крупных козлов с большими рогами и бородами. Они постепенно поднялись на самую вершину Ятыргварты, где был когда-то солонец. Туры здесь днем стоят в тени скал, пасутся они утром и вечером, спускаясь к этому времени ниже. Испуганные на хребтах, они бросаются вниз и уходят в мало доступные скалы и сосновый лес по кручам Балкан.

С Ахцархвы мы спустились на искусственный солонец, расположенный на поляне по юго-западному склону хребта. Глыба соли блестела на солнце. Ее в мае положили наблюдатели Чернореченской караулке. Были видны следы оленей. Туровых следов заметно не было, в это время они не посещают солонцы. По пути обратно на то место, где мы оставили лошадей, на склоне Ахцархвы видели еще одного молодого самца. Он был довольно смел, но все же подойти к нему на расстоянии менее 200 шагов не удавалось.

Таким образом, экскурсия на Ахцархву и Балканы показала, что здесь держится значительное количество туров и сравнительно мало серн.

Другая группа нашей экспедиция 21-го июля вышла с Умпыря вверх по реке Ачипсте, затем, перейдя ее, поднялась на Кочергу. На Ачипсте, километрах в 2-х—2,5 выше от впадения ее в М. Лабу, нашли две купалки, около которых были следы медведей и оленя. Поднимаясь по склону Кочерги, разрушили несколько куньих ловушек. В сплошном пихтовом лесу обнаружили следы костров и здесь же видели следы медведей и волка. Выше пихтового леса вош-

ли в березовые поросли, сменявшиеся затем зарослями рододендрона, который тут еще цел, в то время, как на Ахцархье цветение уже замочилось. На восточном склоне Кочерги много снега даже в лесу. Ночью в ловушке добились землеройку (*Sorex taddei* Sat.). На снегу под вершиной видели медведя, горную индейку с выводком из трех птенцов, двух оленей, которые ушли спокойной рысцой. Ниже на осыпях видели двух серн, а дальше на западном склоне Кочерги еще 25 штук их. Это стадо не выказывало особенного беспокойства при виде лю ей и подпустило к себе довольно близко. После этого стада неожиданно латкнулись на 8 серн, которые, испугавшись, бросились вниз. Довольно низко пролетел черный гриф. На озере в истоках Ачипсты наблюдали 5 серощеких поганок (*Podiceps griseigena*). Берега озера лишены древесной растительности, здесь были обнаружены следы медведей и много свежего помета их. Река Ачипста, выходя из озера, исчезает под завалом и появляется вновь на поверхности через 1,5—2 километра. На склоне Алоуса у реки видели трех кабанов, которые подпустили ша. ов на 20. На правом берегу Ачипсты нашли естественный солонец, а на левом еще два, один из которых очень большой и к нему идет несколько звериных троп. В Ачипсте местами наблюдали большое скопление форели, стайками державшуюся в ямах у дна. Уже подхода обратно к Умпырю, встретили медведицу с медвежонком.

20 июля первая группа—Д. Красовский, Логинов и проводники выехали с Умпыря в устье реки Цахвоа, с тем, чтобы оттуда пройти пешком до истоков этой реки. Один из проводников утром вернулся с лошадьми обратно на Умпырь, так как вверх по Цахвоа в настоящее время нет троп, привожу выдержки из дневника Д. Красовского: «переехав через реку Ачипсту и поднявшись немного на гору, мы попали на довольно приличную тропу по М. Лабе. Дорога, по которой мы ехали, была основным маршрутом бывших охот и здесь раньше перевозили лесопромышленники dranku и продукты. Она идет то верхом—по лесу, то совсем спускается к Лабе. По словам проводников, здесь лучшие места рева оленей, а особенно, в осиновых рощах, которые нам пришлось проезжать. На расстоянии километров 6 от нашего лагеря на Умпыре, в М. Лабе, видны небольшие корзины старых плотин. Это остатки бывшей военной дороги, которая шла через перевал Аишхо. На левом берегу М. Лабы у впадения ее в реку Цахвоа, стоят остатки барака лесопромышленника, выше которого мы перешли М. Лабу. Вечером в кустах выпугнули вальдшнепа (*Scolopax rusticola*). *) Когда мы ехали сюда, то по речке, идущей с Кочерги, пришлось переезжать огромные выносы камней, образовавшиеся здесь вследствие ливня, бывшего в 1924 году. На противоположной стороне Лабы много сожженного леса, который, по словам проводников, был зажжен лесопромышленниками с целью получить разрешение на его эксплуатацию.

У воды мы добились двух полевок Роберта Наш дальнейший путь пролегает среди молодых порослей лиственного леса, по левой сто-

*) Которые здесь гнездятся.

роне реки Цахвоа. Всюду огромное количество земляники, краснеющей среди травы. Вскоре за этим мы проходим высокоствольный еловый лес и идем по остаткам тропы. Всюду много следов оленей и медведя, изредка встречаются покопы и следы свиней. Поваленные деревья, надрубки на елях и громадное количество ловушек на куниц свидетельствуют о том, что здесь часто бывают ладонщики и браконьеры.

Ловушка устраивается в лесу на месте охоты следующим образом: на двух сошках высотой полтора метра укрепляется неподвижная жердь значительной толщины, над ней вторая подвижная, на которую накладываются жерди с помостом. Неподвижная жердь вместе с помостом поддерживается с одной стороны особым сторожком-палочкой. От него, примерно до первой трети помоста идет проволока, привязанная к подвешенной на проволоке палочке, к которой прикрепляется приманка. Поставленное перед ловушкой бревно не доходит до нее на 20-25 сантиметров. Куница, дойдя до конца этого бревна, чтобы достать приманку, должна прыгнуть на поперечную жердь с ловушки, откуда она тянется к мясу и, хватая его, освобождает сторожок. Тогда тяжелый помост падает и, с силой придавливает куницу. Наживкой служит какая-нибудь птица, но лучшей считается у местных охотников медвежье мясо." (С. Туров. Материалы по изучению куницы и промысла ее на Северном Кавказе. 1931 г.)

Такими ловушками и раньше промышляли охотники и как раз здесь, например, тот-же А. Телеусов, который еще и сейчас находит свои старые брошенные десяток лет тому назад, ловушки, за сезон с октября по февраль поймал 19 шт. куниц. До объявления здесь Заповедника, т. е. в самом начале революции, по Цахвоа сплавлялся лес, который рубили по склонам хребтов, спускающимся к реке, и сейчас огромные заторы из десятков прекрасных стволов напоминают об этой бессмысленной порче леса. Всюду попадаются экспонаты куницы, которые служат иллюстрацией к ловушкам, показывая количество этого зверька здесь. В лесу камни и земля покрыты толстым слоем какого-то мха, в котором видны норы землероек.

Вскоре, после небольшой дневки, мы попадаем в полосу бурелома, где громадные старые ели в беспорядке нагромождены друг на друга. Дальше наш путь идет, то большими полянами, покрытыми густым бурьяном и кое-где перерезанными заболочеными рукавами Цахвоа, то густым еловым лесом. Густые заросли приваленного безразьяка, так называемые снеговалы, преграждая наш путь, затрудняют движение. Зимой сюда сваливается со склонов гор и приносится ветром снег, который своей тяжестью придавливает деревья и поэтому они привалены к земле. Наверху видны три ледника и мимо них можно, по словам Телеусова, пройти за день к истокам М. Лабы. Мы снова попадаем в еловый лес, где почти на каждом шагу попадаются ловушки на куниц и наконец наткнувшись на балаган куничатников-браконьеров. Этот балаган, построенный

под большой пихтой, был жилым в этот сезон (1929-30) и его на селяли 3 человека, судя по уцелевшим постелям. Вероятно, тут куничатники живут уже в течение нескольких лет, судя по остаткам посуды и т. д. Эти балаганы устраиваются жителями станицы Псебая, Аьдрюка и др. поселений, расположенных недалеко от Заповедника. Им же принадлежат и многочисленные ловушки. Уже с ранней осени браконьеры начинают совершать сюда систематические экскурсии, перенося постепенно провиант, одежду и другие предметы, которые они прячут временно в дуплах деревьев. Когда продуктов запасено достаточно, чтобы просуществовать здесь четыре зимних месяца, браконьеры переходят сюда совсем и начинают устраивать балаганы и ловушки, торюясь закончить их к первому снегу. Каждую неделю промышленники обходят их, вынимая пойманных куниц, поправляя наживки и настораживая захлопнувшиеся ловушки. Некоторые браконьеры устанавливают до ста—ста двадцати ловушек и, конечно обход всех их, особенно при обильном снеге, очень затруднителен. Здесь по Цахвоа, повидимому, богатые запасы куницы. Кроме того, здесь почти сплошные массивы елового леса, из смолы которого добывается „ладан“, и поэтому ущелье р. Цахвоа является излюбленным местом браконьеров и ладонщиков.

Немного дальше, переходя реку, мы очевидно, испугали нупавшегося в рукаве Цахвоа кабана, который перебежал воду и потом долго оставлял брызги по своему следу. Здесь же у перехода через реку много покопов и следов свиней, следов оленей и медведя. По речке на камнях видели оляпку и одинокого кулика—черныша (*Tringa ochropus*). На поляне увидели копыта и изгороди от имеретинского коша, неподалеку от которого мы остановились на ночлег. Немного в стороне от нашего ночлега ночью кончался большой медведь, следы которого отчетливо видны на тропе, идущей по слегка заболоченной почве. Здесь в еловом лесу много синигрей и клестов, а когда пробирались по березняку, видели выводок лазоревок (*Parus caeruleus*). Наш путь прергается бурным, бегущим среди низкорослого березового леса, потоком, перейти который нет возможности из-за большого падения воды. На противоположной стороне из зарослей березы выскочила серна, почесала рога о куст и начала подходить к нам, изредка пощипывая траву, но затем, увидя людей на расстоянии 30 шагов, быстрыми скачками ушла в лес по склону хребта. Среди бурьяна на поляне видели мышевку (*Sicista caucasicus* Yinogradov), бегущей по широкому листу какого-то зонтичного. Немного дальше, среди зарослей высокого бурьяна, увидели медведя, который с легким урчаньем ходил по траве, отыскивая корм. Временами над бурьяном показывался его голова с круглыми ушами. Мы сравнительно долго наблюдали за ним, пока он не ушел в кустарниковые заросли.

24-го июля по крутому склону, то продвигаясь по зарослям рододендрона, то по камням осыпи, мы подошли к озеру у истоков реки Цахвоа. Вынос валунов, очевидно речного происхождения, на

протяжении 2—1,5 километров перед озером занимает всю, довольно широкую долину реки. Около часа было потрачено на то, чтобы пройти здесь. Под одним из больших камней мы нашли логово рыси со старыми следами вокруг. Озеро лежит в глубокой котловине, между выносами валунов и невысокой горой, протянувшейся с востока на запад. Две речки, идущие с юго-востока и запада, юго-запада, питают озеро. Последняя течет от ледника, который хорошо виден с места нашей остановки. Длина озера примерно равна 400—450 метров, а ширина посредине метров 200. К северу сравнительно недалеко от этого озера расположены еще два небольших озера, очевидно, весной, когда много воды, сливающиеся между собой. На озере значительное количество горных трясогузок, но березам у берега перелетают казакские пеночки (*Phylloscopus neglectus*) и совершенно неожиданно здесь обнаружены четыре серых утки (*Anas strepera*), плававшие среди озера, с противоположного берега раздавался крик дроздовидной камышевки (*Acrocephalus arundinaceus*). На альпийском лугу и на осыпях много горных козьков. Пролетел сазан. У зарослей рододендронов вылугнули самца тетерева. Проходя по лугу, поймали на небольших площадках, лишенных растительности, двух гадюк Казнакова.

Обратно возвращались по правой стороне Цахвоа троной, по которой раньше имеретинцы прогоняли скот. Тропа привела нас на кладку, которая представляет собой толстое дерево с прибитыми на ней поперечными перекладинами. Посреди кладки устроена такая-же ловушка на куниц, как и в лесу, только низкая. В большие ловушки такого типа в прежние времена охотники здесь ловили барса. На правой стороне Цахвоа мы наткнулись на естественные солопцы, расположенные среди заболоченной, разливами Цахвоа и ее рукавов, впадине. Легкий сернистый запах стоит над солонцами. Здесь много следов оленей и кабанов, куналки которых тут-же.

У М. Лабы увидели следы трех человек, а вскоре нашли брошенные удила. На умпырский лагерь мы вернулись вечером 26 июля.

После нашей экскурсии на Цахвоа, мы можем констатировать, что действительно весь лес по течению этой реки населен большим количеством куниц, которая безусловно может считаться одним из наиболее ценных зверей Заповедника. Но при современном состоянии охраны этого района никак нельзя говорить о сохранении здесь куниц и следы браконьеров всяких видов, их балаганы и, наконец, огромное количество ловушек, служат прекрасной иллюстрацией высказанного нами положения.

Нам кажется, что большим облегчением для браконьеров является то, что по пути от Черноречья, где они спокойно идут вверх по правому берегу М. Лабы, минуя караулку, нет наблюдательского пункта, который необходимо было бы поставить на Умпыре, в виде поста дежурного наблюдателя. Также необходимо, на наш взгляд,

сделать тропу по р. Сахвоа, чтобы стража могла проникать до истоков названной реки, без особой затраты труда и времени.

От нового Мастаканского лагеря нами было совершено очень много экскурсий на г. Ятыргварту, Трю, Скирду, Ахцархву, М. и Б. Балквуа и, наконец, на Алоус. На последнюю вершину мы поднимались несколько раз и одна группа экспедиции стояла в течение 10 дней на Алоуском лагере.

Под горой Алоусом следует отметить искусственный солонец в Березовом гаю. Солонец этот находится на поляне, окруженный березовым лесом. Здесь мы видели много следов медведей, кабанов и оленей. Однажды довелось наблюдать около солонца большого старого кабана. Путь к этому солонцу и дальше на г. Алоус идет по водораздельному хребту между р. Алоусом. Густой пихтово-букковый лес покрывает этот перешеек, по которому идет тропа от Мастаканского лагеря к Алоусскому. На тропе много свежих следов оленей и кабанов, один раз видели след рыси. За солонцом по березовому лесу в полосе рододендронов мы часто наблюдали теремов.

Выше границы леса среди альпийского луга расположено два озера. Здесь мы обычно оставляли лошадей, поднимаясь на вершину Алоуса. На горе Алоус мы наблюдали небольшое количество серн и еще меньше туров. Первых удалось сфотографировать, к ним пришлось подползть сверху вниз, по крутому склону. Серны подпустили довольно близко, так как я не поднимался во весь рост, а подползал или прятался между больших камней. Но я все время был у них на виду. Они смотрели на меня с любопытством, но не уходили, даже после того, как я истратил весь запас пластинок и встал на открытом месте. Ветер был от них, но как только на них „накинуло“ ветром от моих спутников, они быстрым галопом помчались вдоль склона.

Пока мы преследовали, фотографируя серн, к озеру, расположенному в истоках речки, сбегаящей в реку Алоус, спустился медведь. Быстро пройдя по снегу к воде он затем пошел по ушелю вниз, и так торопился, что мы сначала решили, что он идет по следам серн, но затем он несколько изменил направление и пошел по склону в сторону леса. В это время медведи уходят с гор в ягодники.

В камнях выше нас кричали горные индейки.

Во время другой экскурсии, поднимаясь со стороны „Светлой Балки“, мы видели несколько серн.

Погода изменилась, Ятыргварта оделась туманом, серая полоса за этой горой говорила о сильном дожде в Черноречьи. Громыхал гром. Туманом стал одеваться Алоус. Мы усорно поднимались все выше и выше. Когда были на значительной высоте, туман разорвался и перед нами открылась пологая каменистая вершина г. Алоус. Метнулись в разные стороны турица с козленком, три или четыре серны. Еще одна турица бросилась к краю вершины, но повернула обратно и быстро стала спускаться в „Светлую“.

Облако разорвалось, очистилось синее небо и нам хорошо стали видны цепи гор в вершине Имеретинской балки, с большим ледником, расположенным высоко над ущельем. Вдали сверкала река Уруштен. Туман закрывал теперь Алоус только с северо-восточной стороны от Мастакана. Со стороны Имеретинской балки было чисто. Облака клубились снизу и дойдя до хребта вздымались вверх, как бы не смея перейти через грань, за которой сияло горячее солнце.

В камнях, недалеко от речки, около Алоусского лагеря нами были добыты интересные снежные полевки (*Chionomys nivalis nenjukovi* For.) оказавшиеся новой формой. Особенно интересны они в биологическом отношении.

Россигов К. М., путешествуя в горах западного Кавказа напел запасы какого то загадочного зверька, вот что пишет он в своей статье „В горах западного Кавказа“. (Известия Русского Географического Общества в 1890. XXVI) на границе лесной области с нижне альпийской — в полосе альпийского кустарника — березы, осины, ивы и рододендрона, я заметил присутствие животного из порядка (Rodentia), которое осталось для меня неизвестным. Замечателен грызун тем, что он устраивает, у основания стволов березы и зарослей рододендрона, гнезда в один фут толщиной, с таким же приблизительно диаметром, складывая их из тонких веточек названных кустарниковых пород. Здесь же вблизи гнезд, под большими камнями, я находил их запасы из различных альпийских трав и цветов“.

Весьма возможно, что таинственный грызун, которого не открыл Россигов, является как раз снежной полевкой, найденной нами в значительном количестве в осыпях по Алоусу, на холодном, на М. Бамбаке и т. д. Эта полевка собирает значительные запасы разных трав и рододендрона и складывает их под большими камнями, а иногда около них. Интересный пример биологической конвергенции. Подобным же образом собирают запасы травы, так наз. сеноставцы (*Ochotona*), в систематическом отношении стоящие далеко от левок и приближающиеся к зайцам, на Кавказе не распространенные.

Склады этой полевки представляют собою пласты травы плотно уложенные под камнями. Трава набита и во всех боковых трещинах среди камней у главного склада. Снизу листья начинают подсыхать, сверху свежие. В двух особенно больших складах, в каждом было по 4 — 4,5 килограмма травы. Привожу список растений, взятых из склада: (*Rhobobenbron caucasicum* Pall), у рододендрона полевка собирает только листья и лишь один раз, в одном из 8 складов, была обнаружена целая ветка его с завязью; *Heracleum spongilium* L. *Silene* sp. *Aconitum Napellus* L. *Cephalaria tatarica* gm., *Epilobium* sp., *Viola altaica* Pall., *Geranium collinum* steph., *Aspidium* sp., *Ranuncullus caucasicus* MB., *Pimpinella* sp, *Acontum Anththora* L. *Campanula glomerata* L. m. *Ranuncullus Villarsii* DC. *Aconitum orientale* mill.

Однажды нам пришлось наблюдать, как (*Chionomys*) притащила в один из своих складов большой стебель аконитум с листьями и

цветами, по длине раз в шесть превосходящий самое полевку. Подойдя к этому растению, полевка начала, повернув боком голову, подгрызать стебель. Когда он уже наклонился к земле, зверек обежал его кругом и, взяв зубами за конец с цветами, несколько раз потянул к себе, с силой опираясь всеми ногами о землю. Увидя, что стебель не поддается, он подбежал к месту погрыза, умылся, издал писк и, став на стебель, передними лапками, вновь начал его грызть, пока он не упал окончательно. Затем, взяв его за толстый конец, полевка повернула стебель вокруг оси и потащила к складу, но по дороге неожиданно бросила его и с писком побежала в камни, где была сложена трава, откуда вернулась через полминуты и, начав обгрызать листья у их оснований, уже каждый отдельно перетаскивая в склад. Листья она таскала, взяв за основание, так что он волочился по земле сбоку полевки. Укладывание листа на место занимало у полевки две-три минуты, во время которых зверек по несколько раз перетягивал лист с места на место и расправлял его.

Эти полевки охотнее всего шли на приманку хлеб с медом и почти не трогали другие — бурак, сало и сыр. Несколько раз нам приходилось видеть их бегающими днем.

В кустах и зарослях рододендрона на Алоусе много пеночек *Philoscopus neglectus* (Lorenz), которые держатся выводками и на альпийских лугах, среди густой травянистой растительности. На полях среди леса по бурьяну в незначительном количестве обитают болотные камышевки, луговые чеканчики. На опушке леса видели вертишейку (*Inx torquilla*) и серую славку (*Sylvia communis*).

Здесь же в бурьяне видели мышевку (*Sicista caucasica*), а другой экземпляр этого зверка был наблюдаем среди густой травы альпийского луга. У озера бегала пара куликов чернышей (*Tringa ochropus*), на осыях перелетали горихвостки чернушки, горные коньки, дрозды, дерабы (*Turdus viscivorus*) и здесь же видели горную за-вирушку (*Prunella collaris caucasica* Tsch) и пустельгу (*Falco Tinnuculus tinnuculus*). Над скалами пролетел ягнятник (*Hypuetus barcatus grandis* Storr) и горный беркут (*Aquila chrysaetus*). По вечерам над лагерьем пролетали какие-то совы, козодой, а у елок летают мелкие летучие мыши. За все время нашего пребывания на Алоусском лагере с 3-го по 9-е августа, погода была скверная, часто лил дождь и температура стала ниже. Нам пришлось наблюдать передвижение птиц, что особенно было заметно на зябликах, которые откочевали значительно ниже и только редкие одиночные экземпляры их остались в верхнем поясе леса. Всюду на Алоусе много медведей, следы которых особенно видны на тропах и лугах после дождя, но зрелым бурьяном у речки встречаются кабаны, их следы и лежки. По вечерам из леса раздавалось неоднократное рывканье напуганных отблесками нашего костра самок оленей, их следы мы находили у самого лагеря. У самой речки поймали полевку Роберта и здесь же видели крапивника и оляпку. На субальпийском лугу среди леса и в густых зарослях рододендрона много выводков тетеревов, которые особенно охотно посещают места, где

растет лютик (*Ranunculus caucasicus* Pall) и (*Ranunculus Villarsii* DC.), семенами которых они, главным образом, сейчас питаются. По дороге с Алоуса на Мастаканский лагерь, на тропе попадается много следов оленей и на солонце мы наблюдали ланку с олененком, который лежал в траве пока мать лизала соль.

Выше солонца на поляне спугнули белозобого дрозда, который со звонким криком улетел в лес. Здесь же на тропах часто попадаются небольшие ямки, в которых тетерки принимают песочные ванны, оставляя на земле перья, так как сейчас они линяют. Косачи держатся отдельно от выводков в зарослях рододендрона выше леса. В яркую солнечную погоду на осыпях и по тропе можно видеть быстро бегущих горных ящериц (*L. saxicola*), а всюду на сочных альпийских лугах, особенно у воды, попадаются большеногие кавказские лягушки. На поляне перед Мастаканским лагерем неожиданно наткнулись на стадо свиней в 10 штук, которые паслись здесь и, испугавшись нас, ушли вниз к р. Ачипсте, оставив по бурьяну широкую тропу.

10 августа группа участников экспедиции вышла на г. Трю. Дорога все время идет среди бурьяна по реке Мастыку. Бурьян достигал до колена всадника. Отъехав от старого мастаканского балагана, выпугнули у речки ланку, вероятно, двухлетку, судя по величине. Она лежала под кустом рябины у самой воды. Проехав немного дальше, мы подняли из глубокой балочки рогаля, у которого насчитали 14 отростков и еще один олень с рогами в 12 отростков выскочил шагах в 20-ти от нас и, постояв несколько секунд, начал уходить, догоняя первого, остановившегося шагах в 40. Постояв еще немного, они начали уходить по склону, время от времени останавливаясь и с любопытством оглядываясь на нас. Проехав немного дальше, мы поднялись на западный склон горы Трю и сразу же попали на старую тропу, по которой, переведя в одном месте лошадей через огромный завал, дошли до вершины горы Трю, затем спустились вниз и стали табором под пихтами на берегу заболоченной балки, идущей от вершины Трю. По дороге видели очень странный след, который Телеусов находил очень похожим на след молодого зубра. Вернее всего это был след очень старого и крупного оленя.

Отсюда открывается вид на „Мешок“ — урочище, ограниченное скалами хребта Мастакан, Скирды, Красных скал и, наконец, горы Трю. По середине Мешка течет река Местык. Сюда спускаются отлогие склоны Мастакана, сплошь покрытые прекрасным лесом. Здесь когда то было наибольшее количество зубров. На поляне, среди заболоченных балок, в бурьяне кричат болотные камышевки. Здесь выпугнули коростеля (*Stex stex*), а вечером слышали крик жабы, тут же видели лугового чеканчика, обыкновенную щурку (*Meops arizter*), небольшая стайка которых летала над полянами, малаго подорлика (*Aquila pomarina*) и полевого луня (*Circus cyaneus*). С вершины горы Трю открывается прекрасный вид на окружающие цепи гор. Вся вершина покрыта субальпийской луговой растительностью,

с северо-западного склона почти до верха доходят заросли рододендрона, а с западной — сосны. Некогда здесь был кутан и теперь система дорожек, проделанных скотом, покрывает склоны. Спускаясь в сумерках с горы, видели сову (*Asio otus*) и козодоя. Всюду на лугах много следов оленей и их лежек, а также и следов свиней. Медведя, по видимому, не так много. Утром 11 августа над табором и склонами г. Скирды летала большая стая белобрюхих стрижей (*Apus melba*).

Экскурсируя по склонам г. Скирды, мы заметили, с почти отвесно обрывающихся скал, прекрасную тропу, идущую вдоль них. Спустившись, пошли по ней. Тропа оказалась звериной со свежими следами оленей, медведя и старыми следами серн. Через несколько времени она привела нас к невысокому, максимум 75 сантиметров высотой, входу в пещеру.

Сейчас же за входом пещера расширяется и увеличивается в высоту, так что поднятая рука едва касается потолка, образует небольшую площадку (2,5 x 8 метров), после которой круто, на метр обрываясь вниз, она тянется еще более широким и высоким ходом. На только что описанной площадке большое количество следов оленей и их лежки. Здесь они, очевидно, прячутся от жары. Немного ниже лежка медведя, куда он притащил ребро какого-то копытного. Небольшие сталактиты и сталагмиты разбросаны по ходу. Известковые натеки нарисовали причудливые узоры по стенам и на потолке. Ход все время понижается кое где давая боковые низкие ходы в дальнейшем расширяющиеся. Иногда выпадают лужи натечной воды. Мы прошли приблизительно около 100 метров. Дальше ход шел вверх.

В пещере, несмотря на наши поиски, летучих мышей не оказалось, вероятно из-за очень низкой температуры.

Отсюда мы отправились вдоль скал, по той же, но уже меньше протоптанной, тропе, которая привела нас к совсем маленькой, метров 7 глубиной, пещерке опять с очень низким, сантиметров 60, входом, в которой много следов серн. Очевидно, и здесь и в первой пещере, звери согнувшись пролезают через вход. Пройдя над скалами, уже без тропы спускались вниз и снова нашли звериную тропу, на которой обнаружили рог оленя, слегка погрызенный по краям медведем, в 8 отростков. Спустившись в мешок, вышли на большую поляну, где посмотрели расположение бывшего зубрового солонча. Здесь и сейчас много следов оленей и нам кажется, что этот солонек надо восстановить (солонец был искусственный и очень охотно посещался зверьми). На обратном пути в березняке видели черных синиц (*Parus phaeoptus*), кавказских пеночек и городских ласточек. По соснам много клестов, в лесу сизигрей, которые сейчас охотно поедают еще не зрелые семена горного клена.

12 августа группа вернулась на новый Мастаканский лагерь. Весь день шел проливной дождь, а ночью на 13-е на горах выпал снег.

15 августа Д. Красовский и Насимович вышли из Мастаканского лагеря на хребет Мастакан. Дорога сразу же от старого охотничьего балагана сворачивает на северо-запад. Отсюда начинается крутой подъем на хребет Мастакан, поднявшись на который попадем на тропу, ведущую к искусственному солонцу, расположенному у вершины. На сосне видели сарыча (*Buteo buteo menetriesi*). Из-за бугра вышла ланка с олененком и, перевалив его в шагах в 60 от нас, спокойно шагом ушла вниз. На тропе увидели еще ланку тоже с олененком, которая около минуты наблюдала за нами шагах в 70, а потом пошла по хребту, минут 10 находясь в нашем поле зрения. Подойдя к главной вершине Мастакана, увидели солонец с положенной на него глыбой соли. На солонце и вокруг него много следов оленей и кабанов. Отсюда спускается вниз заболоченная балка, по которой большое количество покопов и следов свиней. Обойдя главную вершину Мастакана и пройдя большую поляну со значительным числом лежек оленя, снова подошли к другой заболоченной площадке с озерками болотцами по середине. Вокруг все изрыто свиньями, здесь много их лежек и купалок. У речки Местык большие заросли малины, черной смородины, а по гребню хребта — черника и брусника. По бурьяну у речки встречается помет и следы медведей.

На поваленном через Местык дереве на вырубленной посреди ее площадке, нашли прикрепленный на цепь небольшой железный капкан, очевидно, года три уже не употребляемый в дело. В нем оказалась передняя лапка куницы. Выше этого места поднялись на гору, идя по зарубкам на деревьях, которые привели нас к старому балагану куничатников. Вокруг балагана остались деревянная ловушка наполовину разрушенная, расправилки для шкур и т. д. От балагана мы спустились вновь к речке и, перейдя ее, стали подниматься по западному склону горы Трю. У конца подъема, выше раздалось шуршание листьев на земле и через минуту на ствол полусгнившего дерева выскочила куница, замершая на месте при виде нас. Ее белая грудь и изящная головка оставались несколько мгновений без движения, а затем зверек прыгнул в траву и только шевеление ее указывало путь, по которому он убежал. Здесь видели норы очень похожие на норы землеройки. Выйдя на г. Трю и обогнув с севера ее вершину, мы поздно ночью 16-го августа, через Ятыргварту, вернулись в Мастаканский лагерь. На поляне у старого охотничьего балагана спугнули коростеля. На склоне Ятыргварты видели полевого луня и перепела.

С 16 по 20-го августа нами были совершены еще ряд экскурсий на Алоус, Ятыргварту и в окрестностях Нового Мастаканского лагеря. На альпийских лугах Алоуса около озер, а также и в других местах мы видели иногда многочисленные выбросы земли из нор прометеевых мышей. На осыни Красовский наблюдал рысь, которая, распустивши баки и подняв кверху кудрый хвост, секунд 15 наблюдала за ним, стоя боком, а потом, осев на задние лапы, прыгнула вверх метра на 1,5 и небольшими прыжками ушла по хребту.

Несколько экскурсий, как я уже упоминал выше, было совершено на г. Ятыргварту, Ахцархву и Балканы. Там неизменно отмечалось незначительное количество туров. Туры, повидимому, начали посещать искусственный солонец у Ахцархвы, так как они постоянно держались в скалах около него. 2/VIII здесь видели 8 туров самцов, 30/VIII там же 7 самцов и 31/VIII—8. Они стояли внизу около солен, а затем поднимались выше на скалы. На г. Армовке также наблюдали туров. На вершине Ятыргварты было стадо в 30 штук. Эти туры разбились на три группы и ушли на склоны в сторону М. Лабы. Среди них были самцы и самки с козлятами. В первой группе из 11 было три козленка, в другой группе было тоже 3 маленьких и в 3-й—один. Серн видели очень мало: 2 на склонах Б. Балкан и 1 между Ахцархвой и Ятыргвартой; на северном склоне последней горы я наблюдал еще одну серну.

Оленей пришлось видеть также неоднократно, но реже, чем высокогорных копытных. Большой рогаль вышел на поляну против нового Мастаканского домика. Другого самца видели на склонах Балкан к М. Лабе, на границе леса. На поляне около солонца Ахцархвы—самку, другую подняли по долине р. Местык. Следы медведей, кабанов и оленей встречала повсюду.

Подъемы наши на эти же места в начале сентября показали, что туры и серны спустились ниже. За эти дни шел снег, температура значительно понизилась. Возможно, что эти дни явились началом осенних миграций. Причиной явился снег, обильно покрывший альпийские луга и заставивший зверей искать новых мест для пастбищ.

Вернувшаяся с Алоусских озер гидрологическая экспедиция сообщила нам, что в первом озере они видели четырех малых поганок (*Podiceps ruficollis*).

На поляне у старого Мастаканского лагеря видели различных пеничек (*Ph. nitidus*, *Ph. trachilus*), черноголовую славку (*Sylvia atricapilla*), сорокопугов (*Enneactonus collaris*) и соловьев (*Luscinia luscinia*). Здесь же на свободном от бурьяна месте спугнули вальдшнепа.

На тропе, спускавшейся к горе Армовке с Ятыргварты, спугнули тетерку. Армовка удивительно неприглядная гора, поросшая снизу невысокой травянистой растительностью, а сверху почти сплошь покрытая щебневыми осипями. Из птиц здесь видели горных коньков и горихвосток чернушек. На склонах Ятыргварты нашли несколько лисьих нор, след волка и здесь же на лугах нам попадались ласки (*Ichis nivolis*). Здесь добыли крота, (*Talpa caucasica* Sat.) На спуске с г. Ятыргварты в сосновом лесу видели кукушку (*Cuculus canorus*), выводки деряб, черных дроздов (*Merula merula*), черных кавказских синиц, клестов и свирирей. Ниже по спуску было несколько выводков теререзов и довольно много перелетов. Очевидно, уже начался их пролет. 20-го августа перешли на Уруштенский лагерь. Тропа от Мастакана сначала идет пихтовым лесом, здесь

надо отметить большое количество куньего помета, попадавшего на тропе и на камнях у ручьев. Куница, повидимому, охотно ест чернику, о чем свидетельствует помет, сплошь состоящий из остатков этой ягоды.

Далее тропа переходит на поляны по течению р. Алоуса и идет бурьянами, а затем вновь вступает в пихтовый лес, где приходится брать довольно большой, так называемый „семиколенный подъем“. Местами заросли малины, в которых мы на обратном пути застали медведя.

От Уруштена я с проводником Кожевниковым совершил экскурсию на Чилипсы, г. Джугу и лагерь Исаева, в это время Красовский с Телеусовым выезжали в Красную поляну. Практиканты нашей экспедиции уехали во Владикавказ. Логинов еще с Умпыря, а Кирилс с Мастаканского лагеря. Таким образом, мы теперь разбивались только на два отряда.

Тропа на Чилипсы заброшена, сильно осыпалась и заросла. От Уруштенского лагеря она идет через мост на р. Аспидной, затем по левому берегу Уруштена поднимается значительно вверх. Местами она теряется, но становится лучшей, когда пройдя осинник, всупадает в пихтовый лес. Лагерь, состоящий из двух балаганов, стоит на границе березового леса.

Густой туман заставил нас сидеть в балаганах почти весь остаток того дня, когда мы пришли на Чилипсы. Часа в 4 мы все же пошли вдоль опушки березового леса, надеясь увидеть какогонибудь зверя. Вскоре я заметил медведя, очень светлого, казавшегося почти белым. Он медленно ходил по склону, на открытом альпийском лугу. Конаясь в земле, он почти не поднимал головы. Сначала мы решили, что медведь выйдет на нас и засели за сосенкой, которая вместе с куртиной других сосен, выходила из балки.

Медведь долго задержался на одном месте, копал, ходил взад и вперед. Ключья тумана то, налетая, скрывали его от нас, то открывали почти весь склон горы. Постепенно туман становился все гуще, медведь медленно приближался к нам и я, боясь, что он может уйти, стал подходить к нему. Он не обращал никакого внимания на окружающее, а все время ходил, опустив голову в густую траву. Я довольно быстро приближался к зверю. Вдруг из под ног у меня с громким хлопанием крыльев вылетел тетерев. Я присел в траву, думая, что медведь услышит взлет птицы и обернется, но нет, он не переставал копать в траве. Я пошел дальше, сухой бурьян предательски трещал под ногами, будучи совсем близко, медведь вдруг быстро направился в мою сторону, идя зигзагами и попрежнему не поднимая головы. Я остановился. Пройдя еще немного, он вдруг заметил меня, поднял голову и замер.

С легким стуком упал затвор моего фото-аппарата. Медведь разинул рот, фыркнул, рывкнул и бросился бежать. Нам удалось подойти на 37 шагов.

Туман наел еще больше, пришлось вернуться в лагерь.

На другой день, 22 августа, мы выехали к озеру на г. Джуге. Тропа идет альпийскими лугами и сравнительно скоро выходит к озеру. Оно карстового происхождения, очень глубокое, овальной формы. На нем плавали 4 погзнки. (*Podiceps* sp.). Здесь мы оставили лошадей и двинулись на Джугу. Как только мы выбрались на хребет, я увидел серну, стоящую в тени скал. Немного дальше было еще 9 штук. Они паслись на теневой стороне хребта. Заметив нас, они быстро пошли вниз, прыгая по отвесным скалам, затем собрались все на выдающийся пик, постояли и скоро скрылись. Было довольно поздно, часов 10 утра, зверь был весь в „холодах“. Всюду на вершинах были следы туров, особенно на южном склоне, но самых зверей не было видно. В одном месте видели медведя. Он очевидно, почуял нас, т. к. быстро двинулся вдоль склона, а затем пересек Джугу и ушел вниз. Одновременно слышали свист тура. В бинокль я рассмотрел самку тура, которая, стоя на скале, высматривала медведя. Здесь же было много горных индеек. Дальше были еще три тура, которые, увидев нас, со свистом тоже перевалили через хребет. Ближе от нас пробежал выводок индеек. На высоких альпийских лугах мы обнаружили много волчьего помета, целиком состоящего из туровой шерсти.

Туман, накрывший горы, заставил нас спуститься на тропу, идущую к лагерю Исаева. На тропе нас близко подпустил к себе тетерев, что позволило мне сфотографировать его.

Ночевали мы на лагере Исаева.

На другой день Кожевников поднялся на Джугу за лошадьми, а я прошел по тропе на Уруштен. Кожевников видел несколько стад туров, одно в 7 штук, другое—10 и еще одно, которое он не подсчитал. Серн видел 8. Рано утром они пасутся, а часов с восьми с семи забираются в малодоступные скалы, где лежат в тени.

Как только я спустился с лугов в пихтовый лес, наткнулся на медведя. Он пробежал через тропу и стал за куст шагах в 20 от меня. Пока я вытаскивал зеркалку из чехла, медведь отошел вверх и забравшись на поваленную пихту, наблюдал за мной. Снимать было уже далеко и неудобно из-за дерева.

На тропе было много помета курца с ссатками черники. На Уруштене меня ожидала кино-экспедиция Союзкино, работающая в Заповеднике.

21-го августа Д. Красовский с проводником Телеусовым выехал в Красную Поляну. Проехав километров 6 от лагеря Уруштена, на поляне выпугнули коростеля, а немного дальше видели удода (*Upupa epops*) и бекаса (*Gallinago Gallinago*). Здесь значительно теплее, чем было выше—на Мастакане. Всюду много ягод малины и немного смородины. Изредка попадаются следы медведей, кабанов и всего один раз видели след оленя. После перехода на правую сторону Уруштена лежит большой снеговал и отсюда река идет в исключительно красивом узком ущельи. Оставив в стороне караулку лагеря

Хотодного, мы поднимаемся по правой стороне Уруштена к его верховьям.

На левой стороне реки находится ряд дранковых построек, это оказывается целый поселок армян, которые вошли сюда незаконно, в 1926 году, но были выселены по суду. Сейчас кочевке их, находящие на перевале, разрешили брать отсюда дранку и поэтому целая вереница ребят и несколько женщин шли по противоположной стороне с дранкой за плечами.

К вечеру мы подошли к перевалу, на котором стоит летняя, маленькая караулка для наблюдателей. Перевал Псеашхо мало интересен. Вся растительность выбита скотом и только заросли рододендрона подходят к самой караулке. Тут много нар полевок. Ниже круглое карстовое озеро. Здесь наблюдали белую цаплю чапуру (*Egretta alba*). У караулки проходит граница абсолютной зоны Заповедника, в 150-200 шагах от которой находятся армянские коши.

На перевале много горных коньков, которые сейчас уже собираются в стан, очевидно готовясь к отлету. Ночью шел дождь и над перевалом кричали какие-то цапли.

За кошами с небольших бугров открывается прекрасный вид на Красную Поляну, Эстонский поселок и долину Мзымты. На северо-западе видна гора Воробьева с ледником у самой вершины, западнее гора Ассара острым пиком ушедшая в небо, а на юго-востоке вдалеке видна гора Аишхо.

Здесь Телеусов видел серну. Почти сейчас за перевалом начинается спуск, который тянется до шоссе. Дорога делает множество зигзагов. Вначале зигзаги эти идут по березняку, а затем спускаются в пихтовые, чистые и смешанные леса.

Картина разрушения, вернее уничтожения леса предстала перед глазами воочию. Огромные пихты почти в два метра диаметром, в беспорядке валяются тут и там. Это дранщики в первые годы революции бросились сюда в большое количество деревьев сделалось жертвой их топора и теперь уже наполовину сгнившие служат живым укором. В лесу здесь уже нет того количества звериных следов, которое приходилось видеть в Заповеднике. За всю дорогу я видел только один след небольшого медведя и один свиной попок. Зато ниже много следов волков. Проехав границу охранной зоны, мы въезжаем в чернолесье. Почти с самого перевала чувствовалась перемена температуры воздуха. Здесь среди каштанов, грецких орехов и буков ощущается, что попадаешь в другой климатический пояс.

У шоссе видели след козули (*Capreolus*). Зяблики уж собрались стайками. Здесь же наблюдали кавказских чечевниц (*Caprodacus erythrina*).

Спустившись у слияния рек Лауры с Мзымтой, проехав грифельные разработки и эстонский поселок, мы попадаем в Красную Поляну. По словам наблюдателей Южного отдела Заповедника в охранной зоне много волков, барсуков и коз. В саду отдела живет второй год почти ручная, взятая поросенком, дикая свинья.

24-го августа база экспедиции была перенесена с Уруштена на лагерь Холодный, куда 25-го августа вернулась группа из Красной Поляны. От Уруштена наш путь проходил во весьма живописной дороге, среди пихтово-елового леса, перемежающегося с редкими сосновыми участками, попадаются поляны с высокой и густой травянистой растительностью. Узкое ущелье, снежные мосты перебрасываются с одного берега на другой над бурлящим Уруштенем. Тропа вьется по карнизу.

Лагерь Холодный—весьма удачно поставленный домик с остекленными окнами и железной печкой. От него открывается вид на живописный ледник Псеашхо, относящийся к 1-му разряду ледников.

Несколько ниже лагеря расположены большие каменистые осыпи где нам удалось добыть снежную полевку (*Chionomys* sp. nov.) ту, что была добыта на м. Гамбаке и Алоусе.

Экскурсия на ледник показала его доступность. Н. А. Буш в своей работе „Описание и главные результаты третьего путешествия по северо-западному Кавказу в 1899 году“ (Изв. Русск. Геогр. О-ва т. XXXVI 1900 г.) пишет об этом леднике следующее:

„Ледник начинается значительно ниже вершины горы снеговым полем, лежащим на обширном цирке. Длина ледника версты 2—снеговым полем начинается длинный ледопад, ниже которого идет ясно выраженный ледяной поток длиной приблизительно в одну версту. Ледопад направлен в WSW направлении на ONO, а ледяной поток с SW на NO, а под конец почти с S на N. С левой стороны по течению, ниже ледопада, к леднику присоединяется очень короткая, но широкая фирновая ветка с выгнутой поверхностью. От промежутка между самым ледником и этой ветвью отходит срединная морена. Боковые морены очень ясно выражены. На правой стороне ледяного потока на нижней, более крутой, его половине, находится большой ледяной бугор, покрытый камнями, напоминающий подобный же бугор на Марухском леднике. Посредине нижнего конца очень круто круто спускается значительно ниже боковых его частей довольно длинный язык, ущемленный между отполированными скалами..... Подойти к нижнему концу длинного языка, которым оканчивается ледник, было легко, но взойти на язык оказалось невозможным. Даже прибывание у нижнего конца очень неприятно, так как часть нижнего конца постоянно обрывается и мы, измеряя высоту нижнего конца, находились среди оторванных ледяных глыб“.

На правом склоне (южном) из под земли двумя потоками, соединяющимися в один, весьма эффектно вырывается речка, падающая большим каскадом. Около ледника по скалам перепархивал стеноглаз (*Tichodroma muraria*), здесь много городских ласточек (*Hirundo urbica*), птенцы которых начинают летать. Изредка на осыпях видны горные ящерицы (*Lacerta saxicola*). У самого ледника Красобским была поймана кавказская большеногая лягушка.

25-го августа около домика удалось добыть несколько прометеевых мышей (*Prometheomys schaposchnikovi* Sat.), они оказались все черного цвета, повидимому особая цветовая вариация. Наши наблюдения здесь показали, что прометеева мышь энергично закапывала поврежденные нами норы и днем, в то время как на Ахцархве, Мастакане и Алоусе в хорошие дни она закапывала преимущественно ночью. В сырую погоду, как это полагает Красовский, они проявляют большую энергию в этом направлении.

Была добыта самка, сосцы которой были набухшими, повидимому, она недавно бросила кормить. В желудках добытых экземпляров были обнаружены сильно измельченные корни трав.

Нахождение прометеевой мыши на территории Заповедника представляет интерес в том отношении, что подтверждает факт широкого распространения этого эндемичного для Кавказа грызуна. Впервые на западном Кавказе прометеева мышь была добыта мною 21 сентября 1926 года на территории Заповедника, на реке Мзымте, ниже озера Кардывача километрах в 2-х.

28-го августа мы двинулись на Уруштенский лагерь, а затем опять на новый Мастакан, что было вызвано распоряжением директора Заповедника, в целях участия в работе кино-экспедиции.

С Мастаканского лагеря был проделан ряд экскурсий: на Березовый солонец, на Ятыргварту, Ахцархву и к Ачипсте.

На Березовом солонце видели большое количество кабаньих следов. На косогоре в балке мы нашли купалку. По поляне прошел у нас за глазами медведь. На тропе большое количество следов и помета куниц. Здесь видели сыча (*Aegolius enigmalmi* (gm)), осоеда (*Pernis apivorus*), стайки клестов на рябине. По вечерам доносились крики пролетающих цапель и других птиц. Большинство ранее бывших здесь птиц откочевало ниже. У самого лагеря на сосне видели поползня (*Sitta caerulea* Pelz.). По ночам, в балке за лагерем, были молодые волки, а со склонов Ачипсты слышалось тьяканье лисиц.

30 августа выпал большой снег. Погода за последние дни ухудшилась. Идут дожди. Становится холодно. По утрам иней покрывает луга. Чувствуется поворот на осень.

На Ахцархве туры теперь держатся под скалами, у тропы на солонец. На вершинах Ятыргварты их уже не было. Они спустились несколько ниже, что в особенности было заметно во время экскурсии 2-го сентября.

На далеких и низких отрогах Ахцархвы в сторону к Малой Лябе мне удалось заснять кино-аппаратом молодого тура. Значительно ниже вершины Ятыргварты мы заметили 9 штук туров. Пришлось опуститься вниз. Один тур лежал спокойно на траве. Удалось подойти, вернее подползти, довольно близко, но сфотографировать не пришлось, так как мешали травы и камни. Налуганный тур вскочил и исчез среди скал. Все туры уходили вниз в сосновый лес. На Ятыргварте на альпийских лугах почти всегда встречались тетерева.

31-го августа, возвращаясь с экскурсии на Ахцархву, мы услышали рев олея. Он проревел три раза, это очень раннее начало рева и оно предвещало, по словам охотников, раннюю зиму. Уже дня два, три, как некоторые участники экспедиции слышали этот рев.

Появилось большое количество волчьих следов. Волки бродят целыми выводками.

4-го сентября перешли на Умпырь. Дорогой видели много следов оленей и кабанов. Тропа из-за дождя вся размокла и десятки новых ручейков бегут со склонов Ахцархвы. У солонцов спугнули какого то зверя, с легким шумом ушедшего вверх. Чем ниже спускались вниз, тем все теплее и теплее становилось, но уже и здесь чувствуется осень. С осин летят желтые листья. На полях трава пожелтела и приникла к земле.

В Умпырском урочище нам представилась печальная картина лесного пожарища, сожжена поляна и часть прекрасного соснового леса. Наблюдатели говорят, что этот пожар устроила какая-то экспедиция „золотоискателей“, оставившая ненотушенным костер. К вечеру мы стали на реке Умпырке, в полуразрушенной лесной караулке. Всюду покосы свиней и следы медведя. По деревьям перелетают большие стайки клестов, которые садятся также и на крышу караулки. Вечером видели сыча (*Aegolius tengmalmi*)

5-го сентября всю ночь шел сильный дождь, перемежающийся с мокрым снегом. Ночью и утром на склонах Кочерги ревели олени. Рев кавказского оленя не такой звенящий и красивый, как восточно-сибирского изюбря. Голос последнего напоминает высокие трубные звуки с различными модуляциями. Рев кавказского оленя в это время был более похож на рев быка. Это было начало рева, позже рев приобретает другие интонации.

На урочищем летели стаками городские ласточки. А. Телеусов рассказал, как однажды, когда он жил здесь будучи лесником, наступили ранние холода и выпал глубокий снег. На перевалах были снежные бури, птицы, перелетающие на юг, застряли в Умпырском урочище. Ласточки, по его словам, набивались под крышу, залетали в хлев, в комнату, сотнями гибли от холода и голода. В эти несколько дней (середина сентября) Телеусов поймал на М. Лабе трех серых уток, у которых смерзлись крылья и они „пешком“ двигались вверх по течению реки. Журавли и другие птицы, по его словам, летят по М. Лабе и Цахвоа, вверх по течению.

Умпырь является одним из мест наиболее любимых кабанов, так как по склонам здесь много алычи, груш, яблонь, около караулки начинающие дичать сорта культурных яблонь. На противоположной, от караулки стороне Умпыря, большие поляны, окаймленные грушами, дикими яблонями, алычей. Выше смешанный лес — ель, ясень, бук, клен, пихта, а еще выше сосна. Фруктовые деревья поднимаются довольно высоко по склонам гор. Это, по всей вероятности, остатки брошенных черкесами садов. На правой стороне Умпыря, на склоне горы (Сергеевский гай) также разбросаны значительные поляны, поросшие белокопытником и густым бурьяном. Местами обиль-

ные груши, поспевающая алыча и яблони. Бурьян, а также пространства под фруктовыми деревьями, сильно постопаны кабанями, целые дороги пробиты их стадами. Под пихтами и под алычей мы находили лежки кабанов одиноков.

Медведи также охотно посещают фруктовые деревья; я видел яблони с сильно поломанными у самого ствола ветвями. Также нашли сильно ободранный бук; это медведь в прошлом году собирал буквые орешки. Против самой караулки, только перейдя через Умпырь, мы наткнулись на трех свиней, которые лакомились кислицей (дикая яблоня); пользуясь высоким бурьяном, они быстро скрылись от нас. На склоне горы из густого бурьяна мы выгнали самку оленя (ланку). Она постояла, послушала, затем пошла от нас в гору и, когда мы пошли, шурша бурьяном, начала издавать свой характерный крик испуга, напоминающий рев козла (*Capreolus*).

Из мелких млекопитающих около караулки мы отметили лесных мышей (*Sylvimus sylvaticus ciscaucasicus* Ogn) и полевок (*Pitymus*) последние в весьма незначительном количестве. Здесь встречаются также лесные сонны (*Dugomys nitedula*).

5-го сентября отряд экспедиции, во главе с Д. Красовским, выехал на Б. Лабу через Умпырский перевал. Путь от лесной караулки идет смешанным лесом с преобладанием осины и дуба. Часто попадаются грушковые деревья, под которыми такое же большое количество следов кабанов, как и у Умпырской караулки. Немного выше (километра 1,5—2 от караулки) почти у самой реки Умпырки есть естественный солонец, посещаемый кабанями, устроивших тут—же свои купалки, и оленями. Проехав смешанным лесом по заброшенной, едва заметной тропе, выехали к полянам, поросшими густым бурьяном. У леса большие стаи зябликов и попадались снигири. На верхних полянах пятна снега. Через тропу по снегу проползла гадюка Казнакова (*Coluber Kasnakowi* Nik.), особенно ярко отливающая красным цветом. Спустили коростеля и перепела. Пройдя по рододендронам, засыпанным снегом, попали на тропу, идущую по альпийскому луку к самому перевалу.

Подул холодный ветер и пошел снег. На перевале на снегу видели совсем свежие выбросы земли прометеевой мыши, а из птиц одинокого горного конька и пару чеканов каменок. Снег пошел сильнее и мы принуждены были спуститься вниз без тропы, так как ее не было. На перевале видели след оленя и помет медведя, с большим количеством перепереваренной алычи. Спустившись снова в лес и проехав почти до впадения Имеретинской балки в Закап, стали на ночлег. Недалеко отсюда видели следы двух волков.

6-го сентября проснулись среди белого ковра, укрывшего все вокруг нас. Снег шел всю ночь. С табора видели снигирей, черную синицу и слышали крик клестов. Время от времени раздавался рев оленей. Неподалеку режут три оленя, а немного ниже режут еще два, на склоне горы Закап.

Возвращаясь с лошадьми, ушедшими ночью недалеко от лагеря, Кожевников спустился коростеля, который долго бежал перед ним по

снегу. По дороге видели два следа ланок, один медвежий и пять кабаньих. Выехав на гребень небольшой горки, остановились, чтобы рассмотреть общую панораму. На югозападе расположен перевал протянулся хребет Луганы, справа на юге вершина Имеретинской балки, впереди видна долина Загдана, Карапырь и серебряная лента Б. Лабы, с севера отроги Магишо и гора Закан, острыми Башнями уходящая вверх. Все горы одеты большим слоем снега, сверкающим белизной на солнце. Осинниками мы выехали из снега и спустились к реке Закану, по левому берегу которого иногда поднимаясь наверх, продолжали наш путь. Вверху в горах снова собиралась метель.

По Закану, не доезжая километра три до моста на Карапырь, есть небольшой естественный солонец, а шагах в 200 от него нашли остатки разрушенного балагана браканьеров. Оставив Урочище Карапырь в стороне, мы двинулись по Большой Лабе.

Склон горы Закан, спускающийся к речке того же названия, по словам проводника Кожевникова, замечателен тем, что зимой здесь почти нет снега и олени зимуют здесь вместе с спускающимися сюда сернами и турами. Очевидно, по склонам Закана дуют ветры, сдувающие весь снег вниз.

Тропа, идущая по Б. Лабе поражает своей шириной и хорошим состоянием. Ее поддерживают сплавщики, работающие здесь от Орглеса, так как на противоположной стороне реки тропу провести нельзя.

Б. Лаба ревет и мечется среди высоких скалистых берегов, вырывая на своем пути глубокие ямы, в которых видны стаи крупных форелей, поднявшиеся сюда вверх по реке. На тропе видели куницу желтодущку (*Martes martes lorenzi* Ogn.), зверек, очевидно, перебежал тропу, но, увидевши нас, остановился, метнулся в сторону и скрылся среди груды камней ниже на склоне. Тут же видели следы кота (*Felis silvestris caucasicus* Sat.) Среди деревьев с криком перелетает желна (*Dryocopus martius*), в кустарниках видели зорянок (*Erythacus tubecula*) и малую мухоловку (*Muscicapa parva*). Не доезжая до впадения в Лабу Малой Блыби, название которой не отмечено на пятиверстной карте, непосредственно у тропы наткнулись на большие дранковые балаганы. Оказалось, что это постройки Орглеса и что здесь на территории Заповедника живут сплавщики, которые сейчас перешли на работу вниз по течению Большой Лабы. Между реками Малой и Большой Блыбью переехали целую систему мостков над Лабой. На противоположной стороне реки (правой), немного ниже этого места, находятся две высокие скалы, так называемые „Соленые“, на них почти у верха, имеются естественные солонцы.

У впадения в Лабу реки Рошка была нами поймана змея медянка (*Coronella austriaca*), на голом склоне, под прямыми лучами солнца. Немного дальше переехали на правую сторону Большой Лабы. По дороге на скалах „Точных“, вне пределов Заповедника, видели стадо в 8 серн, которые бродили по отвесным скалам. среди леса. Мы остановились табором в лесу на небольшой поляне. Из Рошка сверху донесся выстрел. Рабочие, чинившие здесь дорогу,

передавали нам, что утром они также слышали два выстрела по ущелью р. Рошкоа. В лесу вечером видели зайца. В чаще леса кричала сова каясь и на буках всю ночь грызлись полчки (*Glis glis*). Ночью слышали крик филина.

На другой день, перейдя через Лабу по мосту „Кривому“, попали на большие поляны, расположенные в охранной зоне Заповедника. Трава на них выкошена и сено сложено в стога. На скалах видели серну.

Здесь же в охранной зоне Заповедника видны пробные разработки азбеста, в виде глубоких ям и множества поваленных, вокруг них, деревьев. На правой стороне Лабы расположены главные разработки, вокруг которых раскинулся небольшой рабочий поселок. Миновав его, мы подошли к Бескесской караулке. Здесь мы застали только одного наблюдателя, так как все остальные разошлись с экспедициями. Нет поэтому ничего удивительного, что в Рошкоа мы слышали выстрелы браконьеров. Сейчас как раз время наблюдения за ревом и выяснения по нему количества оленей. Но этого некому делать. Наблюдатель подтверждает слова Кожевникова, что южный склон горы Закан, зимой почти чист от снега и что на нем, главным образом, зимуют копытные, спускающиеся с Закана, Магишо и Луган. С октября 1929 года и по февраль 1930 года наблюдатели Больше-Лабинского района насчитали на своей территории около 15 рысей, а в этом году они считают, что их должно быть значительно больше. Волков, к сожалению, всюду в этом районе много. Стрихин присланный для травли, оказался негодным.

От Бескесской караулки мы двинулись в сторону Псебая. Проселочная дорога идет полянами вдоль невысоких холмов, покрытых дубом, дикой яблоней, алычей, буком и т. д. Поляны заросли чахлым бурьяном или совершенно выбиты выпасом скота. Каким резким контрастом представляется весь этот путь по сравнению с малоповрежденной человеком территорией Заповедника.

Уже от караулки попадаются птицы предгорий. На реке видели стайки чирков. Стаи витьютией и горлинок садятся на скошенные поля и деревья среди них. Поражает обилие хищников. У хутора Соленого пролетела скопа (*Pandion haliaëtus*), видели орла змеяда (*Circus gallicus*), малого и большого подорлика (*Aquila pomarina* et *A. maculata*), пустельгу (*Falco naumanni*), чеглока (*Falco subbuteo*), осоеда (*Pernis apivorus*) и различных луней (*Circus* sp.). Начинают попадаться зеленые дятлы (*Picus viridis*).

Дубы покрыты большим количеством желудей и местные охотники ожидают, что глубокой осенью здесь будет много медведей и кабанов на жировках.

Подъезжая к станции Андрюковской, видели несколько стай клестов. Перед этой станицей расположена пересеченная балками и оврагами котловина, покрытая низкорослыми кустарниками. Когда то лет, тридцать-сорок тому назад, здесь был еще лес и была прекрасная охота на диких коз, оленей и кабанов. Теперь, вслед за

уничтожением леса, все звери ушли в горы, также как ушли и серны, жившие некогда на скалах у станиц Андрюк и Псебай.

10 -го сентября, по возвращении отряда Д. Красовского, мы двинулись с Умпыря на Черную речку и 14 сентября экспедиция была закончена в Псебае, откуда через Лабинскую мы выехали по железной дороге в Майкоп.

В результате работы Зоологической Экспедиции в Восточном Отделе Кавказского Государственного Заповедника было собрано: 275 шкур млекопитающих животных, 80 шкурок птиц, 40 рептилий и амфибий и сделано 250 фотографических снимков.

Обследование Восточного Отдела Заповедника показало его значительную ценность, как населенного многочисленными представителями форм, в настоящее время быстрыми шагами идущими к исчезновению на Кавказе. Из них надо назвать серн, туров и куниц.

Серны, как показывают наши исследования, довольно многочисленны в Восточной части Отдела, возможно, что даже более многочисленны чем туры, в то время, как для Западного Отдела Заповедника мы имеем обратное соотношение.

Большие запасы куниц мы находили в лесах по речкам Цахвоа, Блыбь, Рошкаа и Алоус. В сравнительно большом количестве сохранился здесь олень и многочисленны кабаны. Наконец, в восточном отделе нами была найдена прометеева мышь (*Prometheomys scharoschnikovi*) и новый вид снежной полевки (*Chionomys sp. nov.*), над которой сделаны интересные биологические наблюдения.

Нами накоплен значительный материал: 1) по распространению на территории Восточного Отдела Заповедника млекопитающих и прочих наземных позвоночных, что даст нам возможность по окончании исследования фауны Заповедника составить карту распространения названных животных; 2) для составления систематических списков наземных позвоночных, их экологии, миграций некоторых форм (особое внимание уделялось вопросу распространения куницы).

Также получены некоторые материалы по экологии охотничьих птиц (горная индейка и кавказский тетерев). Проводился приблизительный подсчет копытных высокогорных районов Восточного Отдела.

Были посещены многочисленные солонцы, были собраны материалы по солонцам также и Западного района (расположение, посещаемость и т. д.). Нанесены на карту неизвестные и неотмеченные до сих пор солонцы. Производилось фотографирование ландшафтов Заповедника, животных в естественных условиях, их следов, помета, нор, стаций и производственных моментов экспедиции.

Была произведена значительная работа по оказанию помощи в работе кино-экспедиции Союзкино.

Обследовав, между прочим, общее состояние Восточного Отдела Заповедника, Зоологическая Экспедиция отмечает:

1) Слабо поставленную охрану и, в связи с этим,

2) сильное развитие браконьерства, сбора ладана и другие правонарушения.

3) Отрыв наблюдателей от обязанностей по охране Заповедника во время работ экспедиций, к которым наблюдатели прикомандировываются в качестве рабочих или проводников.

4) Незнание наблюдателями многих троп,

5) Плохое состояние главнейших троп и отсутствие их в ряде районов,

6) Отсутствие моста через реку М. Лабу на Умпыре и через реку Ачипста,

7) Большое количество волков на территории Заповедника.

Для исправления важнейших недочетов необходимо:

1) Постройка караулки на Б. Лабе в районе впадения р. Закан. в Б. Лабу, с целью защиты от браконьеров, скотопогонщиков и т. д., ущелья Закана, Умпыря, а также рек, впадающих в Б. Лабу ниже Рошкоа и Блыбь.

2) Организация временных наблюдательских постов в различных пунктах Восточного Отдела: на Умпыре, в районе горы Маркопидж или на склонах реки Хацавитой, в целях защиты тропы, ведущей в истоки Бескеса.

3) Починка мостов и троп. снабжение наблюдателей топориками и вменение им в обязанность, при обходах, прочистки троп от легких завалов, ветвями и т. д.

4) Проведение новых троп до истоков реки Цахвоа, по Лугану, на г. Кочергу для осуществления правильной охраны, в особенности для борьбы с браконьерами куничатниками. В целях подхода при учете зверей и т. д.

5) Снабжение экспедиций проводниками по вольному найму, прикомандирование же наблюдателей практиковать только в особых случаях и на короткое время.

6) Организация правильной и интенсивной борьбы с волками, обращая особое внимание на отыскивание логовов и поимку и уничтожение молодняка. Ввести премирование наблюдателей за уничтожение волков.

7) Составление вопросника для проведения наблюдателями учета зверей, биологических наблюдений (например: сроки рева оленей, спаривания куняц, передвижение туров и серн и т. д.).

8) Использование специалистами дневников наблюдателей.

9) Популяризация идеи Заповедника среди масс населения. Ознакомление, в особенности жителей окрестных с Заповедником селений, с задачами и работой Заповедника.

По вопросу об организации биологической станции, экспедиция считает возможным предложить проект организации ее в Умпырском урочище, на месте бывшей лесной караулки, исходя из следующих соображений:

1) Умпырское урочище, является центром Восточного отдела Заповедника, что дает возможность сравнительно легкого посещения отсюда многих пунктов, как-то: хребта Магишо, Луган, реки

Цахвоз, Б. Лабы, Карапыря и долины Заагдана, всей долины Малой Лабы, г. Кочерги, Алоуса, Ахцархвы, г. Ятыргварты и т. д.

2) Таким образом, может быть проведено детальное изучение многообразных и характерных для всего Заповедника станций и их обитателей, что даст возможность проведения здесь комплексных биологических работ.

3) Обособленность этой, сравнительно небольшой, долины. По этому организация здесь биологической станции и подсобных для нее учреждений (вольер, садков, террариумов и т. д.) не окажет значительного влияния на жизнь заповедника.

4) Доступность, при условии исправления тропы и постройки моста через М. Лабу, даже зимой, из Псебая.

5) Благоприятные климатические условия этой долины (меньшее количество осадков по сравнению с Западным отделом).

6) Работа этой станции должна быть тесно увязана с работой Охотоведческой станции, а вернее здесь должен быть организован филиал последней, так как именно в этом районе должно производиться изучение экологии куниц и серн, ибо урочище реки Цахвоа и части склонов по Большой Лабе, являются местами основных запасов куниц в Заповеднике. Наибольшее количество серн обитает на склонах горы Дженту, Магишо и т. д., т. е. в районе влияния предполагаемой биологической станции.

7) Сезонные миграции копытных, как мы указываем в настоящем отчете, особенно ярко обнаруживаются в районе Закана и отсюда могут быть наиболее легко изучены. Кроме того, в окрестностях урочища Умпырь имеются многочисленные места рева оленей.

8) Пролетные пути птиц идут через перевалы вверх по течению Малой Лабы, что даст возможность изучения и этого явления здесь.

9) Большое количество в реках Малой и Большой Лабы форелей, позволит развернуть здесь работу ихтиолога, особенно обратив внимание на актуальный вопрос биологии этой, мало изученной рыбы.

Конечно, говорить окончательно о создании биологической станции здесь, можно будет только по посещении изми и Западного отдела Заповедника, но на основании изучения Восточного отдела наиболее благоприятным пунктом для создания биологической станции является на наш взгляд именно Умпырское урочище.